

Содержание

Введение.....	3
Глава I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛАСТИ.....	6
1.1. Понятие власти: сущность, виды, аргументация.....	6
1.2. Методологические подходы к изучению власти.....	16
Глава II. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПРИМЕНЕНИЕ ФУКОДИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ.....	21
2.1. Концептуальные рамки философии власти М. Фуко.....	21
2.2. Анализ власти в повседневных практиках в пространстве гетеротопий.....	46
Заключение.....	55
Библиографический список.....	58

Введение

Центральная проблема классической и современной политической науки — это вопрос о природе и основаниях феномена власти, фундирующего собой не только политическую систему, но и все здание человеческого общежития.

В данной выпускной квалификационной работе, будет предпринята попытка ответить на ряд фундаментальных вопросов, касательно власти. С ответом на эти вопросы, нам поможет французский мыслитель Мишель Фуко, а вернее разработанные им философско-политические теории и методологии, уже имеющие за собой успех в решении кратологических вопросов.

Касаясь проблемы концентрации власти в руках персоналий или отдельных социальных институтов, французский мыслитель был твердо убежден, что власть осуществляется и замыкается в самой себе и её невозможно найти в определенном отдельно взятом месте в качестве единичного феномена, поскольку она размыта, деперсонализированна и циркулирует внутри самых разных институтов общества. Другими словами, власть по Фуко не находится в какой-то отдельно взятой плоскости, а пронизывает собой всё человеческое бытие.

Обращение же к истории политической науки и ее предшественницы — западноевропейской философии, показывает, что на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет развития западноевропейской интеллектуальной культуры, человечество не раз обращало свое внимание на рассматриваемый феномен власти, стремясь не только к его теоретическому осмыслению в контексте социально-политического развития общества, но и к проблематике, его собственных онтологических оснований. В результате было разработано и предложено множество концепций власти, акцентирующих свое внимание на разнообразных аспектах этого феномена, что на уровне теоретического обсуждения породило множество проблем и противоречий, разрешение которых способствует развитию не столько самой политической науки, сколько традиции последовательного размышления о политике и ее предельных основаниях, определяемой Лео Штраусом в качестве политической философии.

Специфика современной российской социально-политической ситуации указывает на то, что утвердившийся на страницах академических изданий классический подход к определению феномена власти, интерпретирующий ее в качестве категории подчинения и доминации, далеко не всегда является адекватной методологической оптикой исследования соответствующих процессов. В связи с этим, необходимо признать, что сложившаяся в рамках классической политической науки парадигма описания феномена власти, строящаяся на таких концепциях, как: бихевиоризм, инструментализм, функционализм и телеологизм и интуитивно подразумевающая под властью — исключительно политическую власть — значительно устарела. Современное российское научное знание, тем временем, до сих пор не выработало систематических и зафиксированных методик для понимания, столь оригинальных и даже можно сказать революционных идей Мишеля Фуко, которые в свою очередь могли бы принести немалую пользу в разрешении кратологических вопросов.

Таким образом, определение методологических оснований — закономерный и научно обоснованный вопрос в условиях поливалентной реформации сложившихся социально-политической и экономической систем. В этом смысле непрекращающиеся изменения и нарастающая неопределенность, характеризующие облик современности, с одной стороны, определяют динамику и направленность развития рефлексии по поводу политики, с другой, способствуют дальнейшему развитию и трансформации общества.

На основании этого, объект данной выпускной квалификационной работы определяется нами в качестве, политической философии Мишеля Фуко.

Предметом исследования выпускной квалификационной работы, является, непосредственно методологические исследования власти в политической философии Мишеля Фуко.

Вышесказанное позволяет нам определить цель настоящей выпускной квалификационной работы, заключающуюся в определении методологических оснований анализа власти в рамках философского проекта Мишеля Фуко.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. установить влияние модернистской политической философии на концепцию власти М. Фуко;
2. проанализировать взаимопроникновение концептуальных подходов неклассической политической науки и философии на взгляды М. Фуко;
3. определить основные понятия и механизмы функционирования микровласти;
4. исследовать концептуальные рамки анализа власти М. Фуко;

Теоретической базой исследования выступили труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам истории политической философии, политической теории и философии, истории современной зарубежной философии, социальной теории и социологии.

Структурно выпускная квалификационная работа состоит из: введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, библиографического списка, включающего в себя непосредственно сам библиографический список и приложения.

Глава 1. Формирование подходов М. Фуко к анализу власти

1.1. Теоретические предпосылки формирования подходов М. Фуко к анализу власти

Исторически проект модерна можно отнести к началу эпохи Нового времени, однако, как и всякий большой проект, он потребовал масштабной и длительной подготовки. Для того чтобы разрушить традиции и устои преמודерна, западному обществу понадобилось пережить эпоху Возрождения, а затем и болезненный период Реформации. Оба эти исторических этапа сделали глубокий срез на духовной и культурной жизни европейского жителя и подготовили его, так или иначе, к эпохе модерна. Политическая сфера дольше всего переживала переход европейского общества из одной парадигмы в другую, принуждая политические элиты к постоянной адаптации и смене своих инструментов для поддержания влияния в обществе. Это привело к тому, что власть, не изменив свой насильственный характер, сменила лишь свой облик, прикрываясь легитимностью, общественным договором и идеей республики.

Проект модерна, так и не достигнув своих основных целей, находится сегодня на той же стадии, на которой находился проект (если такой термин возможно здесь использовать) преמודерна перед своим концом. Эту стадию можно назвать кризисной или переломной, но, так или иначе, не выполняющей основную роль всего проекта в целом. Отличие состоит лишь в том, что функции эпохи Возрождения и Реформации, которые успешно расшатывали преמודернистские устои, выполняет постмодернистский проект. Основная проблема заключается в том, что проект модерна имеет гораздо более глубокие корни, благодаря сложившейся капиталистической и либерально-рыночной системе. В преמודерне не существовало столь глубокоэшелонированной политико-экономической структуры, которая бы не позволяла сдвинуть культурную парадигму, а существовавшая в те времена Церковь едва ли может сравниться с мировой капиталистической системой по своему масштабу и влиянию.

В эпоху модерна были заложены философские и теоретические основы тех концепций власти, которые на сегодняшний день являются актуальными. Философские идеи Мишеля Фуко также во многом вытекают из учений и теоретических конструкций, которые были заложены в эпоху модерна. Более того, некоторые предпосылки его собственных философских концепций можно обнаружить и в эпоху премодерна, в частности в античную эпоху. В этой главе необходимо взглянуть на те персоналии, которые привнесли в анализ власти М. Фуко что-то новое, изменили его подход хотя бы по одному из аспектов. Список имен не будет ограничен рамками эпохи модерна потому, что некоторые элементы философии античных авторов и средневековых теологов также самым серьезным образом преобразовали идеи Фуко.

Политическая концепция власти Платона полностью вытекает из его общефилософских идей. Как известно, сердцевину философии Платона составляет теория идей. Миру чувственных предметов и явлений Платон противопоставил особый мир идей, которые существуют где-то за пределами неба. Бестелесные идеи сами по себе вечны и неизменны, им присуще истинное бытие. Привлекая к политике свой концепт идей, Платон считает, что идеальный государственный строй нужно рассматривать по аналогии с космосом и человеческой душой.

Аристотель, в свою очередь, сформулировал чрезвычайно важное для политической науки представление о государстве как о продукте естественного развития. В этом отношении оно подобно таким естественно возникшим "первичным общинам", как семья и селение. Государство, отмечает Аристотель, - сложное понятие. По своей форме оно представляет организацию и определенную совокупность граждан. Стало быть, определение государства как формы зависит от того, кого считать гражданином. Из этой фундаментальной посылки исходит предложенная Аристотелем классификация форм правления. В ходе рассуждений, он выделяет формы государственного устройства: правильные (монархия, аристократия, полития - здесь власть осуществляется во имя общего блага) и неправильные (тирания, олигархия, демократия, где механизм подчинен интересам тех, кто правит). Философ обращает внимание на социальную сторону

политических процессов, указывая на имущественное неравенство как основу общественных потрясений. В созданной им теории "среднего элемента", под которым понимается слой не бедных и не богатых людей, дорожащих своим положением и независимостью и удерживающих общество от социальных потрясений, явно прослеживается идея, положенная в основу широко распространенной в современном обществе теории "среднего класса". Теория власти Аристотеля более логична и рациональна, чем у его учителя, однако она являлась, даже для своего времени, слишком этично и идеализированной. В целом, обе теории можно назвать идеалистическими, поскольку превращаются скорее в утопическую идею, нежели в практический проект. Платон и его социально-политическая доктрина имеет в своей основе миф о разделении души и, по аналогии, разделении общества. Аристотель оперирует для своего проекта государства слишком идеалистичными, даже по меркам своего времени, понятиями.

Фуко не интересовала платоновская общеполитическая концепция, однако, его внимание привлекли идеи, которые он использовал в позднем периоде своего творчества. В таких работах как «Алкивиад», «Критий», «Законы», «Государство» большое внимание уделяется проблемам воспитания и образа жизни граждан. В них Фуко, возможно впервые для себя, сталкивается с темой «заботы о себе», которая впоследствии стала для него ключевой при разработки такого понятия как субъективация. Платона также он использовал в курсе лекций «Безопасность, территория, население»¹ для того, чтобы охарактеризовать пастырскую власть и ее произрастание в античности. Гораздо активнее он использует идеи Платона в поздний период, в таких работах как «Использование удовольствий», «Забота о себе»², и сопутствующие курсы лекций «Герменевтика субъекта»³, «Управление собой и другими»⁴ и «Мужество истины»⁵. В этих работах он ссылается на такие произведения как «Пир», «Хармид», «Горгий», «Тимей», «Протагор» и «Лахес».

¹ Платон - «Государство»

² Мишель Фуко. История сексуальности-III: Забота о себе.

³ Мишель Фуко. Герменевтика субъекта. Курс лекций.

⁴ Мишель Фуко. Управление собой и другими. Курс лекций.

⁵ Мишель Фуко. Мужество истины.

С этой же целью он обращается и к аристотелевским сочинениям. В вышеперечисленных работах Фуко также можно найти ссылки на такие произведения как «О душе», «Никомахова этика», «Евдемова этика», «Политика», «Риторика», в которых Фуко обнаруживал для себя различные аспекты культуры себя.

Таким образом, надо подчеркнуть, что античные теории власти как таковые Фуко не интересовали ни в один из периодов творчества, однако их элементы, которые касаются этики, воспитания, заботы о себе — стали его постоянными проводниками в поздний период, начиная с 1979 года.

К теологическим теориям власти Фуко также обращался редко, однако, как и в случае с Платоном и Аристотелем, они повлияли на развитие концепта пастырской власти. Самыми яркими фамилиями в этом разделе являются и Августин Блаженный и Фома Аквинский. Существует ряд исследований, которые посвящены анализу взглядов М. Фуко на некоторые теологические концепции, например работы Джеймса В. Берно и Джереми Р. Каррета или Джона Максвини.

Государственно-правовые теории власти, к которым обращался Фуко, можно ограничить небольшим списком имен. Эти теории всецело относятся к эпохе модерна, а их отличительной чертой является концентрация на вопросах государства и государственного управления. Механизмы управления людьми через законы казались в то время наиболее эффективными. Идея верховенства закона над всеми остальными видами власти, будь то божественная или, к примеру, власть по праву силы, на протяжении нескольких столетий подталкивала философов и мыслителей к изучению свойств, работы и развитию правовой системы в целом. Именно во время развития этих теорий власти были разработаны и глубоко внедрены в политико-правовой дискурс понятие право, международное право, государство, республика, суверенитет, легитимность, общественный договор, разделения власти на три ветви, партия, народный суверенитет, конституция и т.д. В рамках этих теорий единственным субъектом власти могло быть государство, или, более частно и персонифицировано суверен, выступающий коллективно (парламент) или единолично (монарх). Другие политические институты – класс,

партия, лобби и т.д. в рамках этих теорий на роль субъекта не рассматривались. Также полностью были исключены исследования власти не в политическом ключе, что приводило к тому, что человек как субъект перестал рассматриваться в рамках властных отношений. В целом, Фуко не был критически настроен к большей части этих идей, однако, он никогда не брал какие-либо из этих концептов в том виде, в каком они подаются в современности. Для того, чтобы полностью вписать в контекст своих исследований и понять работы различных элементов этих теорий власти, он, как правило, прибегал к анализу этих понятий у менее знаменитых авторов.

Обращаясь к теоретикам, которые сформировали идею общественного договора, можно сказать, что в методологическом плане их теории власти друг от друга отличаются лишь небольшими деталями. В их теориях власть также остается в руках субъекта-государства, меняется лишь “фасад” этого государства – в лице законных представителей общества, которое передавало часть своих прав - конституционный парламент или абсолютный монарх. Здесь Фуко обращается изредка только к Т. Гоббсу и Д. Локку, очевидно апеллируя к их большому авторитету как первых разработчиков идеи концепции общественного договора и теории суверенитета. К этим двум авторам он проявляется особый интерес в курсах лекций «Нужно защищать общество» и «Рождение биополитики». На Гоббса он ссылается в первом из перечисленных курсах лекций, разворачивая идею о ведении войны и участии в этом суверенных государств³. «Рождение биополитики» он называет Гоббса разработчиком последней теории государства⁴, а Локка приписывает уже к разработчикам теории правления и использует его как отправную точку развития идеи гражданского общества. В эти же работы можно найти и ссылки на таких мыслителей как Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескье. Закончить обзор типичных государственно-правовых теорий власти можно было такими авторами как И. Кант и Ф. Гегель. В целом, их теории также соотнесены с такими понятиями как государство, право, общественный договор, гражданское общество и т.д. Несущественные отличия видны только лишь в том, что оба немецких классика подчеркивают большое влияние морали и нравственности при

формировании законов и их осуществлении. Тем не менее, говоря о власти, Фуко никогда особенно не подчеркивал какие-либо идеи хоть бы одного из представителей немецкой классической философии.

В целом, Фуко не был особенно заинтересован в идеях (или в их пересмотре) суверенитета, общественного договора, гражданского общества, вопросов войны и мира и т. д. Поэтому нельзя отметить каких-либо понятий, концептов или терминов, которые бы стали занимать ключевые позиции в его собственной концепции власти. В нескольких курсах лекций, которые являются самостоятельными исследованиями, он изучал этих авторов для того, чтобы выявить в рамках археологии (не истории) различные представления о функции полиции, армии, рынка, соотношении власти и войны, возможности самоограничения власти и т. д. В конце концов, его не интересовала власть как власть государства, и он отбирал для себя только те элементы размышления различных авторов, которые были ему необходимы для решения каких-либо локальных проблем или заполнения вакуумов в собственном представлении о политической власти. В данном случае, как мы видим, три курса лекций - «Нужно защищать общество», «Территория, безопасность, население» и «Рождение биополитики» - довольно богаты с точки зрения обращения Фуко к самым разным философским работам, начиная от Платона и заканчивая Руссо.

Целый ряд теорий власти, появившихся в эпоху модерна, можно назвать биологическими теориями и отнести к ним таких авторов как М. Марсаль, А. Поз, М. Дюверже, а также Г. Спенсера. Несмотря на различия в их подходах, они объединены одним общим признаком. В этих теориях утверждается, что власть не является специфичной только для человека, а имеет предпосылки и корни в биологической структуре, общей у человека с животными. Сущность власти заключена в природе человека как биологического существа. Однако самой выдающейся и интересной биологической теорией власти является теория власти Ф. Ницше, особенно учитывая интерес Фуко к немецкому мыслителю. Ее можно сконструировать при детальном анализе таких произведений как “Воля к власти”¹,

“Падение кумиров”⁶ и “Человеческое, слишком человеческое”⁷. Первоосновой теории власти у Ницше является его понятие “воля к власти”, которая, по его мнению, не может ни возникнуть, ни уничтожиться, поскольку является врожденной любому живому существу. Воля к власти представляет собой ненасытное стремление воли к проявлению власти, к господству. Воля к власти – это “сгусток энергии”, “не только комплекс ощущения мышления, но и прежде всего еще аффект и к тому же аффект команд”⁴. Человек, согласно Ницше, “высокомерное насекомое”, “высшее заблуждение природы”, в котором наиболее ярко проявляется «воля к власти». Различие людей, по Ницше, объясняется неравномерным количеством “воли к власти”. Некоторые группы людей – аристократия или элита, т.е. одаренные натуры – обладают большим количеством власти, другие люди, более низкого происхождения – меньшим количеством. Аристократия, по Ницше, является творцом культуры, создателем высших духовных ценностей. Однако создание ценностей и существование элиты Психодинамические теории власти восходят к работам З. Фрейда, однако наибольшее распространение в западной науке они получили с 1950-1960-х годов. В рамках этих теорий власть рассматривается как особый способ господства бессознательного над человеческим сознанием. У человеческой психики, согласно положениям психоанализа, существует особая установка на подчинение тем силам, которые находятся за пределами её сознания. Подобное манипулирование человеческим сознанием постоянно подавляет в нем разумные начала и создает пространство для действия стихийных проявлений и инстинктов – страха, агрессивности, стремления к разрушению. Психодинамические теории власти интересны тем, что впервые начали указывать на то, что такое понятие как субъект власти (то есть человек и его сознание) являются не конечными и существуют силы, которые влияют на процесс формирования властных отношений в бессознательной форме. Отчасти, это было интересно М. Фуко, однако он обращался к теме

⁶ Падение кумиров | Ницше Фридрих Вильгельм ; Серия. Азбука-Классика. Non-Fiction ; ISBN. 978-5-389-10229-3 ; Год выпуска: 2021 ; Автор: Ницше Фридрих Вильгельм.

⁷ Человеческое, слишком человеческое • Ницше Ф.В. ; Переплет. обл. ; Страниц. 384 ; ГодИздания. 2018 ; ISBN. 978-5-38910-023-7 ; Высота. 182.

психоанализа, его методологии или понятиям лишь в таких узконаправленных работах как «История безумия в Классическую эпоху», «Психиатрическая власть» или «Ненормальные». Эти работы не пересекаются с темой данной работы.

Структурно-функциональные теории власти активно разрабатывались в XX веке, особенно под влиянием и распространением понятия система в ряде общественно-гуманитарных наук. Среди авторов, чьи теории являются системными можно выделить - Г. Алмонда и Д. Истона, Т. Парсонса, М. Крозье, К. Дойча, Т. Кларка, М. Роджерса и т.д.

К теориям социальных конфликтов необходимо отнести два ключевых автора М. Вебера и К. Маркса. Несмотря на яркие противоречия по целому ряду критериев, их теории власти были объединены одним общим признаком – конфликтность внутри социума. Идеи М. Вебера и К. Маркса оказали значительное влияние на развитие критической социальной теории и продолжили свое существование в работах представителей Франкфуртской Школы.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что интерес М. Фуко к модернистским или более ранним теориям власти имеет двоякую природу. С одной стороны, для некоторых тем он избирает принятые идеи и модели анализа определенных явлений. С другой стороны — он часто прибегает к критическому анализу оппонентов определенных авторов, пытаясь посредством их диалога, прийти к критическому осмыслению отдельных идей. Также интересно то, что идеи эпохи модерна он брал в чистом виде или пересматривал в более ранние годы творчества, а идеи античных и средневековых авторов ему понадобились лишь в позднем этапе. Возможно, это было связано с тем, что модернистские идеи не только не устраивали его виденье положения субъекта и человека, методы анализа власти и восприятие самой власти, но и привели в тупик, который можно выявить в годы написания «Надзирать и наказывать» и «Воля к знанию». Суть этого исследовательского тупика, и последующий выход, который совершил Фуко из него, будет более подробно рассмотрена в следующей главе.

Как мы видим, Фуко действительно соответствовало некоторым критериям, свойственным стилю мышления эпохи модерна. В раннем периоде осмысления

проблем власти, Фуко находит что-то общее только с психоаналитическими теориями, поскольку его работа «Надзирать и наказывать», а также сопутствующие курсы лекций «Психиатрическая власть» и «Ненормальные», и объединяющая их концепция дисциплинарности, была построена на гипотезе о необходимости врача наблюдать за больным, производить изъятие у него информации для того, чтобы ставить диагноз и тем самым определить уровень нормальности. Эти отношения власти он перекладывает на анализ общества и социально-политической сферы. Здесь еще проявляются такие аспекты как насильственность, фундаментализм, господство над другими.

Переходный период М. Фуко, то есть те курсы лекций, которые не вошли ни в одну полноценную книгу, но, тем не менее, указывали направление развития мысли французского философа - «Нужно защищать общество», «Территория, безопасность, население» и «Рождение биополитики» - характеризуются повышенным интересом к государственно-правовым теориям и теориям социального конфликта. Они были необходимы ему для того, чтобы прийти к теме биополитики. Несмотря на то, что этот концепт так и не был им разработан в полной мере, в «Рождение биополитики» он, подробно анализируя неолиберальные идеи об управлении обществом, обозначил некоторые теоретические позиции, опираясь на которые можно было бы эту концепцию реконструировать. Период может называть переходным потому, что после него М. Фуко, так и не развернув анализ биополитики, переходит к последнему этапу своих исследований. Здесь сквозят такие аспекты эпохи модерна как рационализм, конфликтность, насильственность, господство над другими.

Последний этап исследований можно охарактеризовать обращением к античным и теологическим теориям власти, которые ему нужны лишь частично. К этому этапу можно отнести такие работы как «Использование удовольствий», «Забота о себе», «Герменевтика субъекта», «Управление собой и другими» и «Мужество истины». Он заимствует у множества премодернистских мыслителей (и иррационалистов эпохи модерна, таких как Ницше) целые пласты знаний о культуре себя, заботе о себе и подводит их под общую теорию субъективации, о

которой будет сказано в следующей главе. В этом этапе уже представляется невозможным уловить какие-либо аспекты эпохи модерна.

1.2. Взаимопроникновение концептуальных подходов к власти постмодернизма и М.Фуко

Вторая половина XX века ознаменована кардинальными переменами в различных сферах человеческого существования. Радикально и быстро меняются политические, социально-экономические условия жизни миллионов людей, особенно в наиболее развитых странах. Эти перемены нашли свое отражение во множестве новых политических и социальных концепциях, мировоззренческих подходов. Их чрезвычайно актуально для современной политической науки,

поскольку оно позволяет лучше понять природу и направленность политической и социальной динамики в современном мире.

К числу таких мировоззренческих подходов (или комплексов мировоззрений) относится и “постмодернизм“. Постмодернистские принципы, применимые к различным областям науки - культурологии, философии, политологии, социологии, экономическому учению - позволяют говорить о постмодернизме как об особой парадигме мышления, в рамках которой осуществляются попытки анализа метаморфоз, происходящих сегодня в жизни мирового сообщества. Первые опыты осмысления такого характера были предприняты еще в середине 60-х годов XX века, когда во Франции возник постструктурализм, направление, многие из принципов которого впоследствии легли в основу постмодернизма. Тогда в работах французских мыслителей с ясностью была обозначена идея о необходимости пересмотра подходов к анализу мирового устройства в целом и политической ситуации, сложившейся в мире.

Не только ориентация на осмысление мира как сугубо политической реальности является присущей для всего постмодернизма чертой. К примеру, в структурализме и в постструктурализме имеется одна знаковая тенденция, а именно - восприятие мира как текста. Это традицию можно увидеть как в трудах Р. Барта начала 60-х годов⁸, так и трудах Ж. Деррида⁹ в первой декаде XXI века. Эти тенденции воспринимались и развивались, с учетом различных трансформирующихся условий социальной и политической действительности, в работах всех французских представителей постмодернизма.

В текстах большинства французских мыслителей-постмодернистов. можно увидеть разработку вопросов, которые связаны с изменением всей структуры политической власти, введением новых принципов существования людей в политическом пространстве, а также отношением власти и человека. Также существует ряд тем, которые принадлежат к политической сфере, интерес к

⁸ Барт, Ролан (1915-1980). Избранные работы : Семиотика. Поэтика : перевод с французского / Роман Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст., Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 615 с.; 21 см.

⁹ О грамматологии. Автор: Жак Деррида. Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000 .- 512 с.

которым постепенно возрастает именно в рамках постмодернизма. К их числу можно отнести концепции “конца политики“, “конца философии“, “конца истории“, “смерти автора“, “смерти человека“, обсуждается вопрос существования политической власти внутри постиндустриального пространства или, к примеру, роли СМИ в эпоху информационного общества в целом.

Постмодернизм также переосмысливает немаловажную проблему, которая косвенно связан с властью — проблему политических идеологий. Фундаментом для любой политической идеологии, как считают постмодернисты, является миф. Миф – это некоторая совокупность каких-либо фактов, которые составляются в необходимом порядке. Эффективность работы политического мифа (то есть идеологии) может быть обусловлена способностью человека мыслить только знакомыми категориями. Получается, что политический миф можно легко сфабриковать из положений, которые могли фигурировать в какой-либо теории (вовсе необязательно политической) раньше и оказать определенное воздействие на человеческие умы.

Говоря непосредственно о понимании власти, необходимо подчеркнуть, что постмодернизм предлагает некую противоположную модель отношения «индивид-власть», в рамках которой и внутри функционирования которой можно обнаружить мощное влияние идей Ф. Ницше о «воли к власти». Исходя из сути постмодернистской трактовки, само создание нового социального или политического порядка обязательно будет сопряжено со способностью каждого индивида к сопротивлению власти или с желанием освободиться от нее. Этот тезис проистекает из философии М. Фуко, а чуть позже становится одним из важнейших в концепции «желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹⁰. В постмодернизме сама власть воспринимается как соотношение сил, которые действуют в самых различных сферах всего социального пространства.

В целом, подход раннего периода можно обозначить как своеобразную и всеобъемлющую критику всего института власти в целом и в западном современном обществе в особенности. По-настоящему господствующая в

¹⁰ Жиля Делёз и Феликс Гваттари: капитализм и концепция «машины желаний» (1972 г.)

обществе сила это всеобъемлющая власть, которой, как правило, подчинены все сферы общественной жизни и ее институты, включая семью, школу, больницу, тюрьму, государство, экономику, науку и т.д. Философские и теоретические выкладки М. Фуко в некотором смысле можно сравнить с марксистской концепцией власти, особенно в области резкой критики различных механизмов работы и развития индустриальных обществ, или, как он их называет, дисциплинарных обществ.

Власть существует и работает везде и нельзя построить определенный тип общества, где раз и навсегда могли бы исчезнуть властные отношения. Власть, по его мнению, нельзя уничтожить, изменяя экономические или политические отношения в обществе. Вместо того, чтобы пытаться изменить общество, изменяя при этом властные отношения, М. Фуко предлагает бороться с властными отношениями своеобразным способом - изнутри. Именно здесь, по его мнению, наиболее важную роль может сыграть интеллигенция. Интеллигенция должна наиболее бдительно относиться ко всяческим видам проявления власти, тщательно различая во всех сферах деятельности саму деятельность и ее цели, инструментом для осуществления которой может выступать власть, и собственно власть, которая стремится заменить цели деятельности собственными целями - властными отношениями как самоцелью. В современной политической жизни роль интеллектуала консультативна. Политику нет нужды обладать умом Спинозы, его ум - это его советники и аналитики. Любой современный политик хорошо понимает это, окружая себя вспомогательными умами, рекрутируемыми в основном из ученых, а аналитический штат крупных политических деятелей в основном напоминает научно-исследовательский институт. Именно так интеллектуал через знание проникает в политическую жизнь.

Французский философ утверждает, что на протяжении многих столетий развития общества осуществлялись разные типы власти от абсолютизма XVII-XVIII веков до демократии в разных формах ее проявления. Власть осуществлялась путем подавления, насилия, репрессий, устрашения. Только в современном обществе власть осуществляется символически, путем убеждения,

воздействия на умы, гипнозом, дисциплинарными методами. В связи с развитием средств массовых коммуникаций, одновременно и облегчилась задача удержания власти над людьми и осложнилась из-за того, что власть имущим необходимо контролировать все информационные потоки, существующие в обществе. Власть доминирует над телами и над умами, таким образом, подчиняя себе людей.

На основе вышесказанного можно установить несколько фундаментальных точек отправления в мысли М. Фуко по поводу власти. Во-первых, власть - это некая сеть отношений, которая, выполняет все те же функции господства и подчинения, как и другие классические теории власти, но которая представляется, скорее как динамическое пространство, нежели чем статическая структура. Во-вторых, власть функционирует, она все же является некой субстанцией, которая не может принадлежать кому-либо, она существует и работает вне человеческого сознания и деятельности. Она находится одновременно везде и нигде, у всех и никого одновременно, может быть перенаправлена и перераспределена между различными элементами любой отдельно взятой системы отношений. Необходимо только понять, по каким законам работает власть, под влиянием кого или чего она может двигаться или видоизменяться. В-третьих, в его концепции власти бинарная оппозиция субъекта и объекта подвергается критике, а затем и ревизии. В целом, в работах раннего М. Фуко главными направлениями анализа являются вопросы перехода от королевской к дисциплинарной власти и биовласти, критическое рассмотрение социальных институтов, проблема дискурса. Таким образом, видно, что даже ранний Фуко, который вбирал в себя множество идей модернизма, соответствует и некоторым аспектам постмодерна.

Резюмируя все вышесказанное надо сказать, что Фуко стоит на позициях умеренного постмодернизма. Безусловно, его ранний период изобиловал большим опытом оперирования с модернистскими понятиями и идеями, но завершился разработкой концепции, в которой любой возможный субъект был поглощен надструктурными технологиями власти. Дойдя до крайней степени развития дисциплинарной власти, Фуко решил, что необходимо подойти к

вопросу власти с другой стороны, используя такие понятия как истина и субъект. Позднему периоду его творчества характерны такие постмодернистские аспекты размышлений о власти как субстанциональность, децентрализация, аконфликтность, ненасильственность и господство над другими. Также было выявлено, что в целом, каждый постмодернистский философ, рассуждавший о природе власти, находит что-то общее с идеями М. Фуко или является их продолжателем. Тем не менее, М. Фуко избирает самостоятельный путь построения новой теории субъекта (или субъективации) и выстраивания на ее основе иной концепции власти.

М. Фуко, на протяжении всего своего творческого пути, уделял особое внимание власти, рассматривая и выискивая эффекты власти в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Его философские идеи также всегда были сопряжены и с проявлением или толкованием истины и знания в западном обществе. В поздний период, и без того перегруженные теоретические выкладки о власти и соотношении с истиной, осложнились возрастающим интересом к субъекту. Таким образом, концепция власти позднего М. Фуко, будет вращаться вокруг власти, истины и субъекта. Анализ соотношения этих категорий и попытка их осмысления для реконструкции общей фукодианской концепции власти, как инструмента для анализа власти не только на политическом уровне, но и на уровне повседневных практик человека, будет проведена в следующей главе данного исследования.

Глава 2. Концептуальные границы и применение фукольдианской концепции власти

2.1. Концептуальные рамки философии власти М. Фуко

Довольно сложно определить границы применения той или иной теоретической концепции, особенно когда она не имеет эмпирического подтверждения. Границы применения концепции власти Фуко, на взгляд автора,

лучше всего могут прояснить концептуальные рамки. Под концептуальными рамками необходимо понимать не только то место, которое занимают идеи М. Фуко среди мыслителей XX века, которые осмысливали проблематику власти, то есть их радикальность или умеренность, либеральность или «левачество» мыслей и т.п., но и совпадения, которые встречаются у различных авторов по поводу объекта и предмета исследования. В данном случае, можно обозначить целую группу исследователей, которые занимались разработкой концепции власти наряду с М. Фуко. Обозначить концептуальные рамки (или границы) — означает найти точки пересечения и несовпадения в содержательном, методологическом или других смыслах и таким образом раскрыть оригинальность и новизну определенной концепции. Демаскируя границы различных концепций, можно понять, насколько тот или иной мыслитель глубже или шире, подробнее или размыто, рассматривает определенный аспект своего исследования. Таким образом, устанавливая концептуальные рамки, мы решим сразу три задачи. Во-первых, обозначим авторов, которые являются ближайшими «конкурентами» в области разработки концептов власти. Во-вторых, сможем выделить определенные аспекты концепции, которые будут уникальны для данного автора. В-третьих, позволит выявить ту узкую сферу применения этой концепции, которая свойственна только ей.

В данном случае, необходимо рассмотреть концептуальные рамки концепции власти М. Фуко в трех аспектах — понимание власти, понимание субъекта и понимание истины.

Говоря о вопросах сходства подходов к власти, следует отметить К. Шмитта и Д. Агамбена, а также критику Ю. Хабермаса, о которой будет сказано позже.

К. Шмитт сходится с М. Фуко в том, что власть является чем-то, что существует само по себе, без какого-либо вмешательства человека. Власть не может быть ресурсом или собственностью, которой можно располагать, по крайней мере, на постоянной основе. В статье И.В. Соболевой достаточно подробно изложено сходство позиций М. Фуко и К. Шмитта по вопросам власти

в разрезе суверенитета и легитимности власти. Оба автора схожим образом рассматривают основу легитимной власти. К этому выводу позволяют прийти 4 основных признака – схожий консервативный тип мышления, аналогии в концептуализации пространства, проблема тайны власти и ее импликации и суверенитет как провокация¹¹. Также можно согласиться с тем, что Шмитт и Фуко одинаково “интерпретируют сакрализацию Гоббсом суверена как метафору символического тела монарха”¹² и что оба автора выводят концепт суверенитета в сакральное пространство и не уходят от проблемы символизации власти при рассмотрении политического. Тем не менее, в целом, схожесть подхода К. Шмитта не столько противоречит М. Фуко, сколько подтверждает или дополняет его концепцию, особенно на уровне суверенной власти.

Также есть еще одна интересная деталь, которая указывает на некоторое пересечение мыслей К. Шмитта и М. Фуко. В статье “Разговор о власти и о доступе к властителю”¹³, К. Шмитт использует понятие коридора власти, однако, впоследствии не разрабатывает этот концепт. Из того, что он сказал в ходе своего интервью можно лишь понять, что если “есть пространство прямой власти”, то также есть и “образующееся вокруг него предпространство косвенных влияний и сил” и “в любом случае в ходе мировой истории в этом предпространстве власти составлялось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются «косвенные». Здесь мы встречаем министров и послов в роскошных мундирах, но также духовников и личных врачей, адъютантов и секретарш, камердинеров и любовниц. Вдруг предпространство оказывается действительно официальной государственной палатой, в которой для доклада собираются достойные господа в ожидании, когда их пропустят дальше. Но частенько – это не более чем приватный кабинет”. При этом “процесс образования коридора, о котором мы тут говорим, совершается ежедневно, минимальными, бесконечно-

¹¹ Соболева, И.В.. Карл Шмитт и левая мысль. Пределы совместимости концепций. - Логос №5 [89], 2012 - с. 178- 195

¹² Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. Пер. с фр. М.: "Ad Marginem", 1999. - 479 с. -с.

¹³ Шмитт, К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение Том 6. - № 2. - 2007. - с.27- 38

малыми начинаниями, повсюду, где люди исполняют власть над другими людьми, будь то в великом или малом. В той же мере, в какой смыкается пространство власти, организуется и предпространство этой власти”.

Расплывчатые цитаты К. Шмитта напоминают то, о чем Фуко пишет, когда пытается охарактеризовать власть, как сеть отношений, в которой именно точки соприкосновения различных сил, давления власти или сопротивления ей, сталкиваются и создают саму структуры властных отношений. Отличие рассуждения состоит в том, что для К. Шмитта коридор власти является непосредственным входом в состоянии политического властвования, но это понятие вряд ли может претендовать на то, чтобы стать универсальным. Для М. Фуко, власть через сетевое взаимодействие - универсальное объяснение всех властных отношений и основа социальной структуры. Таким образом, при схожем подходе к объяснению пространства власти, различаются их масштабы и сферы применения.

Изобретение дисциплинарной власти, как концепта, всецело можно признать за М. Фуко. Дисциплинарная власть как одно из измерений реализации власти политической не рассматривалась до М. Фуко ни одним автором, а все последующие работы были развитием идей французского философа. В этой сфере концептуальных сходств или границ у фукодианской концепции власти нет.

Говоря о биовласти и биополитике, необходимо сказать, что эти понятия являются одними из самых обсуждаемых в современном поле гуманитарных наук. М. Фуко ввел это понятие в дискурс гуманитарных наук 1970-е годы (хотя биологи и медики уже использовали его на десятилетие раньше). Однако последние теоретические разработки вопроса о биовласти все дальше отдаляются от модели, предложенной самим Фуко. Среди прочего это касается и проблемы возникновения, исторического происхождения биополитики. Если Фуко более или менее четко датировал ее рождение рубежом XVIII–XIX вв., то современный итальянский философ Дж. Агамбен связывает «власть над жизнью» с появлением суверенной власти как таковой. В своей работе Дж.

Агамбен рассматривает биополитику как “решающее событие современности” и одновременно указывает на ее «незапамятный», архаический исток. Концептуальные границы учений Фуко и Дж. Агамбена детально описаны в статье “Истоки и сингулярность. Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти”.¹⁴

Теоретические выкладки Дж. Агамбена это диалектическое сочетание биополитики М. Фуко и политической философии К. Шмитта, которая направлена на включение первой в предварительно деконструированную автономию второй. С одной стороны, последователи фукодианской биополитики рассматривают биологическую жизнь человека как прямой источник всех политических феноменов, некую позитивную область перед лицом власти-знания. С другой стороны, концепции на основе учения К. Шмитта, которые понимаются как теоретические устройства, которые пытаются сохранить разделение между до-политическими живыми субъектами и наложенными на них нормами.¹⁵

Дж. Агамбен, развивая идеи М. Фуко, вписывает их в довольно близкий к М. Хайдеггеру и В. Беньямину теоретический контекст. В самом начале своей работы “Суверенная власть и голая жизнь” Дж. Агамбен пишет: «Греки не имели единого термина для обозначения того, что мы называем словом “жизнь”. Они использовали два термина, которые, несмотря на то, что обнаруживают единый корень, семантически и морфологически отличаются: *zoe*, выражающий просто факт совместной жизни во всех видах существования (животных, людей, богов), и *bios*, который показывает правильную форму или путь для индивида и группы»¹⁶. Ссылаясь на “Политику” Аристотеля, Агамбен подчеркивает, что в классическом мире *zoe* была исключена из сферы полиса и сильно ограничена в силу своей репродуктивной функции – т.е. сферой

¹⁴ Кобылин, И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти // Философия и общество. Выпуск №3(63) - 2011. - с. 171-183

¹⁵ Snoek, A. Agamben's Foucault: An overview / A. Snoek. - Foucault Studies, 2010. - No. 10. - pp. 44-67

¹⁶ Агамбен, Д. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. - Москва.: Издательство Европа, 2011 - с. 240. - с.11

домохозяйства. Это различие, которое предложил Аристотель, продолжает Дж. Агамбен, использует и М. Фуко: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос»¹⁷. Следовательно, М. Фуко относит захват естественной жизни политической сферой только к эпохе модерна. Дж. Агамбен, в свою очередь, античное исключение зое из области сферы политического понимает как “включенное исключение”. Таким образом, он самым отодвигает рождение биополитики к тому моменту, когда появилась политика как таковая: «Можно сказать, что производство биополитического тела есть изначальный акт суверенной власти». Отсюда можно резюмировать, что все современные государства, которые сделали биополитику своей основной стратегией управления, лишь возродили связь между властью и так называемой “голой жизнью”¹⁸.

В своей концепции суверенитета Дж. Агамбен, как уже было сказано выше, следует за немецким теоретиком К. Шмиттом. «Политическая теология» К. Шмитта гласит: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹⁹. Следовательно, суверен – это тот, кто может законно приостановить действие любого закона, т.е. тот, кто определяет исключения из юридической нормы. К. Шмитт указывает: «Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению». Основной парадокс суверенитета состоит в статусе его носителя: ведь суверен находится одновременно и внутри самого юридического порядка, и вне его. Дж. Агамбен интерпретирует этот парадокс следующим образом: «Я, суверен, тот, кто вне закона, объявляю, что нет ничего

¹⁷ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М.: Магистериум Касталь, 1996- 446 с. - с. 248.

¹⁸ Кобылин, И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении био-власти // Философия и общество. Выпуск №3(63) - 2011. - с. 171-183

¹⁹ Шмитт, К. Политическая теология. – М.: Канон-пресс-ц, 2000. – 336 с. - с. 15.

не подвластного закону»²⁰. Подобная всеохватность закона может быть достигнута именно посредством “включенного исключения”. Через исключение суверенная власть захватывает и распространяет свой контроль на объекты, которые изначально не входили в сферу ее компетенции, включая биологический уровень существования граждан.

В премодерную эпоху, как указывает Дж. Агамбен, «состояние исключения» было «невидимым основанием» системы, но в период модерна оно выходит на свет. Одну из ключевых ролей, по его мнению, здесь сыграла

«Декларация прав человека и гражданина», принятая в США в 1789 года, которая провозглашала врожденные права человека на свободу, собственность, безопасность, а также сопротивление угнетению. В действительности, он счиает, что исторической функцией «Декларации» является тотальная политизация

«голой жизни», которая теперь полностью вписывается в политико-юридический порядок государства-нации. Само изобретение врожденных прав привносит в

«голую жизнь» новое политическое измерение, наделяя ее суверенитетом. Эти процессы привели к тому, что все современные общества, как индустриальные (демократические), так и развивающиеся (переходные или тоталитарные) – начинают жить в режиме постоянного “чрезвычайного положения”. «Если когда-то парадокс суверенности выражался формулой “ничто не существует вне закона”, то в наши дни, когда исключение стало правилом, формула парадокса принимает симметричную форму – “все существует вне закона”. Таким образом закон действует только в постоянной приостановке своих собственных норм и правил, как “сила без значения”. Концентрационный лагерь, по его мнению, является неким символом современного общества. Именно лагерь - «серая зона» неразличимости мира юридического и фактического, измерения внешнего и внутреннего - становится

²⁰ Agamben, G. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy*. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – p. 160.

биополитическим основанием модерна, а лагерный «мусульманин» – образцовым примером современного Homo Sacer'a.

Различие версий происхождения биовласти у М. Фуко и Дж. Агамбена базируется, судя по всему, на противоречии в методологических установках при анализе истории. Подход М. Фуко, по мнению П. Вена, заключался в переключении внимания историков с естественных объектов (политика, государство, управляемые, власть) на некие сингулярные практики, которые жестко привязаны к определенному моменту и порождают сингулярные “объективации”. «Вместо того чтобы предполагать, что существует некая вещь под названием “управляемые”, на которую направлены действия “правителей”, надо принять во внимание, что “управляемых” можно рассматривать с точки зрения практик, столь меняющихся от эпохи к эпохе, что эти “управляемые” объединены только их названием»²¹. Управляемых создали как категорию, как очень естественный объект, как объектов дисциплинарного воздействия и, наконец, как “население”. Трансформация самого объекта управляемых зависела только от техник власти. П. Вен утверждает, что ключевым понятием в фукодианском анализе можно считать “редкость”, а сам метод можно определить как “прореживание”. «Человеческие факты редки, они не укоренены в полноте разума, вокруг них имеется пустое пространство для других фактов, о которых наш разум не догадывается; ведь то, что есть, могло бы быть другим». Следовательно, задачей историка становится не описание детерминированных исторических форм “вечных” объектов в их развитии и преемственности, а обнаружение произвольных “редкостей” и единичных практик. Вместо телеологических поисков исторического движения, какого-либо аналога первопричины или “перводвигателя”, необходимо искать конкретную “редкую” практику, которая объясняется исходя из всех других смежных практик, с которыми она взаимодействует. Именно это делает для М. Фуко столь важным определение уникальной объективации – биовласти и ее

²¹ Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003. – 354 с.

коррелят – население в их исторической перспективе, в их привязке к определённой исторической ситуации.

Обращаясь к вопросам, связанным со статусом субъекта и его взаимодействию с властью и истиной, стоит указать на то, что в этой сфере М. Фуко, соблюдая свою оригинальность, все же концептуально пересекается с целой плеядой мыслителей второй половины XX века.

Вновь возвращаясь к К. Шмитту, можно указать, что он, рассуждая о власти, часто апеллирует к субъекту власти, которого он сам уничтожает. “Ведь все это делает (говоря о властных полномочиях – прим. автора) не человек как человек, а запущенная им цепная реакция. Власть куда более, нежели техника, ускользает из рук человека, и люди, которые осуществляют власть над другими при помощи таких технических средств, больше уже не свои среди тех, кто подчинен их власти”²². К. Шмитт часто апеллирует к власти техники и технологии над человеком, несмотря на то, что технологии сами по себе – изобретения человека. “Человеческие массы, которые безвластно подвержены действию современных средств уничтожения, прежде всего, знают о своем бессилии. Действительность власти проходит мимо действительности человека”. Немецкий теоретик власти указывает на то обстоятельство, что субъекта власти нет, или, по крайней мере, его нет в современной действительности, в отличие от государства эпохи Нового Времени, в которых власть воплощалась в монархе. Таким образом, взгляд Шмитта на субъект власти еще более пессимистичен, по сравнению со взглядом Фуко, который гласит, что хоть и на некоторое время, но власть может принадлежать субъекту.

Э. Левинас, в своей работе «От существования к существующему»²³ говорит о том, что человек, будучи сознательным субъектом, но, находясь в некоторых ситуациях, перестает быть хозяином самого себя. Бессонница, страдания, страх смерти, усталость, лень, слушание музыки – все это состояния

²² Шмитт, К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение Том 6. - № 2. - 2007. - с.27- 38

²³ Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной, Б. В. Дубина. — М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. - 416 с.

сознания человека, когда он перестает быть субъектом, теряет свою осознанность и власть переходит в руки чего-то, что не обладает никаким сознанием, некой сущности, которая находится над человеком, т.е. к чему-то возвышенному. Для Левинаса такие состояния вводят субъект в некую зону, которая находится между двумя состояниями. К примеру, для бессонницы – мы вращаемся между желанием заснуть и возможностью бодрствовать. Существуют исследования, посвященные анализу сходств в представлениях субъекта, сделанные М. Фуко и Э. Левинасом²⁴.

Вообще, идея возвышенного, была одним из фундаментальных тем для анализа человека и сознания в работах целого ряда мыслителей, которые использовали идею возвышенного не для того, чтобы, подобно Канту, возвеличить разум (особенно нравственный) человека, но наоборот, чтобы поставить под сомнение сам разум. Для Ж. Лакана таким возвышенным является понятие “пустота”, для Ж. Деррида – различие, для Ж. Делеза – хаос, для Левинаса – инаковость. Все эти понятия, в той или иной мере, схожи с тем, что для М. Фуко было бы состоянием, когда субъект теряет власть в силу того, что власть временно переходит в руки чего-то не-сознательного.

Большой вклад в разработку проблемы субъекта внесли представители критической школы - М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе. Они также критикуют позицию сознательного субъекта и выдвигают тезис о том, что он, по сути, перестает быть субъектом в рамках той экономической и материально-технической природы современного общества. О том, что многое из того, о чем размышлял и что исследовал М. Фуко, сделали представители данной школы, французский исследователь сам признается в одном из своих интервью.²⁵

²⁴ Moss, J. The Later Foucault: Politics and Philosophy / J. Moss. - SAGE, 1998. - 224 p. - p. 78-93

²⁵ Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 255

Э. Фромм, начиная свою книгу “Человек для себя”²⁶, ставит проблему следующим образом: “современный человек чувствует тревогу и замешательство. Он трудится и стремится, но испытывает смутное чувство бесплодности своих усилий. В то время как его власть над материей растет, он ощущает бессилие в своей индивидуальной жизни и в обществе. Создавая все новые и лучшие средства овладения природой, он увязает в сетях этих средств и теряет представление о цели, которая единственная придает им значимость, - человеку как таковом. Став господином природы, он сделался рабом машин, созданных его собственными руками. При всех своих знаниях о материи, человек невежествен в самых важных и основополагающих вопросах человеческого сосуществования: что такое человек, как он должен жить, как может быть высвобождена и продуктивно использована огромная энергия, заключенная в самом человеке?”²⁷.

Эта книга, которая вскрывает в основном психологические проблемы, является продолжением его проектной книги “Бегство от свободы”⁴, в которых Э. Фромм начинает поднимать проблему кризисного состояния современного человека. Из этого небольшого отрывка можно выделить несколько идей, по векторам которых немецкий психоаналитик развивает свою концепцию.

Во-первых, поднимается проблема психологического состояния человека, т.е. субъекта. Беспокойство, тревога, страхи, замешательство – такие характеристики приписывает немецкий ученый современному человеку. Описывая проблемы XX века, Э. Фромм указывает на наличие у человека сверхсвободы, которая обусловлена расширением демократии вширь и вглубь современного общества. В то же время он говорит о том, что войны, которые имели место быть после Второй Мировой Войны - это лишь последние реликты старого мира, экономические кризисы - случайности, а авторитарные режимы списывали на редкие явления, когда до власти добирались безумцы. Именно такая иллюзорность современного мира ведет человека к тому, что он

²⁶ Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм; пер.с англ. А.В. Александровой. – М.: Астрель, 2012. – 314 с.

²⁷ Фромм, Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. - АСТ, 2008. - 284 с.

абстрагируется от реальности и даже не предполагает по какой причине у него возникают вышеперечисленные характеристики.

Во-вторых, делается акцент на материальный успех человека. При этом можно рассматривать успех в двух перспективах. Одной из них является глобальный успех человечества, который выражается в невероятно быстром развитии технологий, которые дают людям все большую власть не природой, над окружающим миром, над так называемым объектом. Современные технологии дают защиту, знания, силу предсказания, нивелируют расстояния и время, которое необходимо было тратить раньше. Человек смог подчинить себе время и пространство, но не смог подчинить себе самого себя, как сказал бы М. Фуко, ссылаясь на античных философов. Вторая перспектива - это индивидуальный материальный успех. Либерализм в экономике, демократия в политической сфере и социальное равенство, к которому современное общество приходит через использование элементов социализма, приводит общество в состояние всеобщей материальной радости, где каждый человек может позволить себе гораздо больше, чем человек, который жил в любой развитой стране в предыдущие века и эпохи. Человек имеет возможность приобрести все, но знает ли он, что он ему действительно нужно.

В-третьих, и это наиболее важный и заключительный пункт, человек призвал себе на помощь не только экономический успех, социальное равенство и политическую свободу, но и технологический процесс, который в современном мире приобретает все более высокий темп развития, как в количественном, так и в качественном смысле. Элементарный пример – ещё в XVI веке воину необходимо было подойти к врагу вплотную для того, чтобы пронзить его мечом, в середине XX века появились более совершенные средства ведения войны, например танки,

для которых, чтобы разрушить дом, необходимо лишь визуально видеть цель, сейчас – можно обойтись лишь картой и кнопкой запуска, чтобы стереть с лица земли целый город с помощью ракеты со сверхточным наведением. Подобное возрастания эффекта технологического развития человека можно

наблюдать в любой сфере человеческой жизнедеятельности. Однако, по мнению Э. Фромма, единственной сферой, в которой человек не продвинулся (сам или с помощью техники) – это сфера человеческих отношений. Именно здесь всплывает проблема этики, которая должна являться передаточным механизмом между человеком (личностью, индивидом, субъектом) и миром, при условии, что под миром подразумевается общество, экономическое пространство, технологическая сфера, сфера властных отношений и т.д.

Г. Маркузе отражает схожую проблему в своей работе “Критическая теория общества”²⁸, но уже не с психологической точки зрения, а с точки зрения современной культуры и общества. Используя более глобальный подход и критику социальных институтов, Г. Маркузе подчеркивает проблему “человеческого фактора”: “Новое качество (общества – прим. автора) возникает в силу прогрессирующего перехода власти от человека к технологическому и бюрократическому аппарату, от живого труда к мертвому, от личного управления к дистанционному, от машины к группе машин и целостной механизированной системе...Главное, что при этом переходе власти совершается передача ответственности, связанной с чувством вины. Она освобождает индивида от автономного существования в труде и досуге, в его потребностях и их удовлетворении, и в мыслях и чувствах”.²

Здесь, в первую очередь, следует подчеркнуть тематику власти. Разумеется, Г. Маркузе, не говорит о власти индивида над самим собой или окружающим его миром, проблема состоит в том, что власть как таковая перешла в руки безликой социальной структуры – бюрократии – и нечеловеческому технологическому пространству. В современном понимании это слово приобрела совсем другое значение, нежели когда-то оно имело во времена античной цивилизации. Современная бюрократия – это сложная система взаимоотношений не людей, а отдельных позиций, званий, должностей и рангов. Единственным средством общения здесь является не слово, а документ,

²⁸ Маркузе, Г. .Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Пер. с англ. А.А Юдина. – М.; АСТ: Астрель, 2011. – 382с.

а единственные род отношений – не эмоции и чувства, а приказы и их исполнение, иерархия, субординация. В этой области нет имен, нет рода занятий, личной жизни, интересов, личностных особенностей и пристрастий (да и вообще личности), здесь субъект либо спускает приказы, либо исполняет приказы. Двухсторонне движение – вверх или вниз. При этом никто не вникает в детали, не интересуется, что он подписывает или исполняет. Это машинерия работает также как и современный завод, состоящий только лишь из механизмов, которые не думают, не рассуждают, не интересуются, лишь делают и лишь иногда перепроверяют. Для того чтобы такая “человеческая машина” работала, организуют новые комиссии, комитеты, должности, которые следят за всей этой структурой и, не задумываясь о том, что делает этот механизм, также попадают в мир отчетов, приказов, бумаг и подписей, должностей и иерархии. Таким образом, этот “мир человеческой машины” разрастается и расширяет свое влияние до таких пределов, что охватывает всю сферу деятельности современного человека. Подчеркивается не просто ослабление позиции субъекта, но полное растворение субъекта во власти.

Человечество изобрело не только “человеческую машину” под названием бюрократия, но и технологическое пространство. Заводы и фабрики, магазины и стоянки, наш собственный дом и средства передвижения – все это автоматические технологии. Заводы создают территориальные пространства, на которых человек не обладает властью над собой или другими, а обнаружить осознанную деятельность или властные отношения между людьми представляется сложным. Несколько человек, которые не связаны друг с другом через коллектив (в отличие от работников в цехах эпохи первых индустриальных революций) или родственными связями (как это было у ремесленников в Средние Века или эпоху Возрождения), только лишь проверяют исправность машин и эффективность

работ. Если в прежние времена технологический прогресс лишь помогал человеку, а любое изобретение ускоряло бытовые процессы и облегчало ежедневную человеческую деятельность, то теперь технологические

новшества меняют человека, искореняя в нем субъект. Теперь, по мнению Маркузе, не мы имеем власть над технологиями, а технологии имеют власть над людьми. Машины перераспределили центр тяжести власти - объем работы до такой степени сместился на сторону машины (робота, механизма) что человеку остается лишь лениться и наслаждаться. Изобретения служили человеку, теперь человек, глупея, дает власть изобретения над нами. Эту мысль можно продолжить словами Г. Маркузе: “Освобождение не несет свободы от отчужденного труда – индивиды вынуждены по-прежнему тратить физическую и умственную энергию в борьбе за существование, положение, преимущества. Они служат аппарату, который их к этому принуждает, что является для них источником страданий. Новое рабство в мире труда не компенсируется новой автономией по отношению к нему”.

В работе под названием “Одномерный человек”²⁹ Г. Маркузе, анализируя тип личности позднекапиталистического общества, приходит к выводу, что оно не только принудило человека к определенному типу экономического поведения, превратив потребность в привычку, но и выработало у него определенное политическое сознание. “Одномерное общество” продвинулось ещё дальше — оно сделало из человека фигуру нуждающуюся исключительно в физиологических реакциях, потребностях и влечениях”. “Одномерное мышление” и “одномерное общество” делают так, что человек перестает, критически мыслить и видеть в различных нормах, установках и принципах своего поведения нечто навязанное сверху и конструирующее его без его воли. Здесь в свою силу вступает автоматизм, который формирует, через стереотипизацию и привычку, иллюзорное ощущение того, что желанно, а не что нужно. Таким образом, “одномерный” человек попадает в зависимость от неких структурирующих его поведение механизмов, которые и составляет тут единственную реальность, в которой он находится. Говоря о зависимости и о возможности отсутствия зависимости от этих механизмов, Г. Маркузе

²⁹ Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. / Пер. с англ. - М., 1994. - 368 с.

утверждает, что лишь те, кто в меньшей степени зависит от системы, могут её более эффективно противостоять. Аутсайдеры общества, нигилисты, национальные или сексуальные меньшинства, эксплуатируемые и угнетенные прослойки населения – вот кто может быть в меньшей степени подвержен механизмам такого рода рабства. Именно они могут составить оппозицию тем, кто уже вовлечен в систему одномерности. Можно сказать, что в какой то степени они сами были вытеснены этой системой, однако, наличие этих “изгоев” является единственной надеждой создания протообщества будущего, в котором не будет одномерности.

Можно резюмировать все вышесказанное следующим образом. Современный человек не несет более никаких этических норм и установок. Любые принципы и нормы, будь то поведение или потребление, навязаны человеку сверху. При этом создается иллюзорность желания, потребления и поведения. Это делается для того, чтобы человек не мог даже помыслить, что его эксплуатируют и обманывают.

Говоря о том, что контролирует человека и властвует над ним, необходимо говорить, прежде всего, об изобретениях человека – будь то технология, бюрократия или наша массовая культура. Все эти явления создают пространство “одномерности”, которые наполнены лишь иллюзорным успехом и тотальным контролем над человеком.

Тем не менее, многие представители современного общества, и чем более они дистанцированы от этой системы подчинения, тем сильнее, подсознательно реагируют на сложившуюся ситуацию. Эта реакция заключается в том, что человек испытывает негативные эмоции все чаще – страх, злость, неуверенность, апатия, усталость, тревогу. Все эти явления взрывают социальную среду, в которой отражаются эти эмоции – самоубийства, желание причинять боль и страдание, насилие, воровство, супружеские измены, нигилизм, психологические расстройства.

Человек потерял себя в том пространстве, которое сам себе и построил. Угодил в ловушку, которая первоначально была задумана как уютный дом. В

конце концов, потеряв себя, современный субъект также потерял связь с окружающим себя миром и с окружающими его, другими субъектами. Если ситуация не изменится и современные тенденции будут прогрессировать, то общество придет к точке невозврата, за которой его ждет лишь гибель.

Такое виденье проблемы субъекта и власти демонстрируют представители Франкфуртской школы. Здесь можно выделить целый ряд пересечений с теоретическими построениями М. Фуко.

Во-первых, видна линия рассуждения, схожая с мыслями М. Фуко об уничтожении субъекта, когда различные техники субъективации перешли из самостоятельных предприятий в сферу принудительных процедур, осуществляемых церковью. Отличие состоит лишь в том, критика представителей Франкфуртской школы направлена на капиталистическую систему, культуру потребления, идеологию и т.д. Несмотря на перенацеливание критики, она сосредоточена на вопросах субъекта и влиянии на него окружающее среды. Психологическое состояние индивида, на котором сконцентрированы идеи Э. Фромма и одномерность позднекапиталистического человека, о котором повествует Г. Маркузе, также является результатом работы и побочным эффектом той власти, которая осуществляется в западном капиталистическом обществе. Несмотря на то, что напрямую М. Фуко об этом не говорит, ясно, что его стиль рассуждений не противоречит таким идеям.

Во-вторых, схожая линия рассуждений видна по вопросу скрытности негативных эффектов власти. Фуко отмечает латентность дисциплинарной власти, ее постоянство маскироваться за филантропическими функциями (как у психиатрических клиник, больниц и т.д.) или за простой механикой исполнения закона или распоряжений политической власти (армия, полиция, тюрьмы и т.д.). Представители Франкфуртской школы утверждают, что власть, которая всячески пытается сделать из человека объект, также активно прикрывается и такие ее уловки как создание иллюзорность, схематизация и стилизация

являются одновременно и инструментов воздействия и невидимым прикрытием самой власти³⁰.

В целом, совпадение рассуждений Фуко и некоторых ярких теоретиков критической школы, говорит скорее о концептуальной совместимости и взаимодополнении, нежели неких ограничительных или исключающих положениях по отношению друг к другу.

Любопытную точку пересечения между Фуко и Гегелем (а точнее, интерпретацию Гегеля Кожевым) указывает А.В. Дьяков. В концепте Господина и Раба мы видим явное противопоставление двух участников властных отношений, в котором Господин является субъектом, а Раб – объектом. При этом “властное действие не встречает противостояния со стороны того, на кого оно направлено: «действуя властно, деятель может менять внешнего ему человека, не испытывая при этом обратного действия, т. е. не изменяясь по ходу своего действия”³¹. Фуко, который опирается на историко-политический дискурс, безусловно эта модель не устраивает. Для него, взаимодействие между всеми участниками одинаково, каждый из них обладает своей стратегией осуществления власти, следовательно, бинарность субъекта и объекта, предполагающая одностороннее доминирование, у него заменяется взаимодействием двух субъектов, которая предполагают различные стратегии – как доминирования, так и сопротивления. Таким образом, концептуально его концепция власти имеет своим ограничением невозможность наличия двух не одинаковых, с точки зрения доступа к власти, участников властных отношений.

Также А. В. Дьяков также указывает на интересную ограниченность концепции Фуко по вопросу “амбивалентности власти, одновременно и субординирующей, и производящей”, т.е. неразрешённым у Фуко остаётся вопрос о том, что первично субъект или власть. А.В. Дьяков указывает на то, что “Д. Батлер очень ясно удалось сформулировать этот парадокс, но вот убедительно разрешить его ей не удаётся”. В целом, “самым

³⁰ Cook, D. “Is power always secondary to the economy?” Foucault and Adorno on Power and Exchange / D. Cook. - Foucault Studies, 2015. - No. 20. - pp. 180-198

³¹ Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. — 672 с. – с. 486 - 487

продуктивным...моментом её интерпретации оказывается акцентирование повтора в производстве субъекта: субъект по Фуко никогда не производится целиком в один момент. Субъект становится таковым только через повторную артикуляцию себя как субъекта, и это придаёт субъекту незавершённый характер”. Так, вскрывается одно из ограничительных полей концепции власти Фуко по оси власти. Он утверждает, что субъект власти никогда не достигает становления до конца, в то время как, к примеру, Д. Батлер, первоначально настаивала на том, что необходимо четко определить что является первичным – власть или субъект – и, следовательно, на какой стадии происходит их актуализация. Именно для того, чтобы избежать подобных вопросов, Фуко отказывается от теории субъекта и использует теорию субъективации, чьей ключевой идеей является постоянное и бесконечное воспроизведение себя как субъекта через различные практики себя. В данной работе такой субъект (который находится в бесконечном процессе субъективации, а становление субъектом, возможно, является его идеальной и отдаленной целью) был назван оператором власти.

Говоря о концептуальной совместимости в области дискурса, знания и истины, а также их соотношения с властью, необходимо отметить, что здесь у М. Фуко не так много оппонентов. Одним из ярчайших критиков фукодианского подхода к этим понятиям будет являться еще один представитель Франкфуртской школы – Ю. Хабермас. Проблему соотношения теоретических позиций Фуко и Хабермаса детально изучал В.Н. Фурс, который во многом уже определил их концептуальную совместимость.³²

Для начала можно обозначить то, в чем М. Фуко и Ю. Хабермас сходятся в свои размышлениях о власти и дискурсе (аналогом дискурса у второго является коммуникация). Во-первых, при формулировании концепта власти, они оба признают свою критическую позицию к классической концепции власти. Если для М. Фуко классический подход к власти не приемлем в целом, то

³² Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. - 2002. - № 2. – с. 120-152.

Хабермас занимает промежуточную позицию между модернистским и постмодернистским подходами. Во-вторых, в той или иной мере, оба теоретика отказываются от концепции субъекта в его модернистском смысле. На этом список концептуальных сходств можно закончить и перейти непосредственно к различиям, которые необходимо рассмотреть более детально.

Как указывает Фурс, существенное отличие состоит в том, что Хабермас утверждает, что власть локализована в политико-административной сфере человеческого бытия и главным образом характеризуется негативными эффектами репрессии. Фуко, безусловно, стоит на противоположенной позиции, согласно которой власть локализоваться не может и не должна быть локализована при попытках ее анализа.

При анализе общества Ю. Хабермас использует «двухуровневую модель», которая состоит из «жизненного мира» и «системы». Жизненный мир включает в себя “культуру”, которая служит для накопления и хранения знаний и информации и “общество”, которое является социальной площадкой для индивидов. Жизненный мир включает в себя традиционные формы сосуществования и общения людей, к которым человек изначально приобщен и ежедневно практикуется. Система - это сфера формально-организованного действия, то есть все социальные изобретения человека в целом, продукт социального мира. Для жизненного мира взаимодействие определено языком и коммуникацией, для системы - внеязыковые медиумы координации действий, такие как власть (для политико-административной системы) и деньги (для экономической системы). Коммуникативная рациональность – работает внутри жизненной сферы и направлена на взаимопонимание и гармонию, а система – по принципам стратегической рациональности, которая нацелена на успех какого-либо действия. С помощью такой методологии Хабермас рассматривает общество.

Исходя из этого, для Хабермаса, о власти можно говорить только как о медиуме координации действий в политико-административной сфере, которая относится не к жизненному миру, а к системе. В жизненной сфере аналогами

власти можно считать “влияние”, “авторитет”, “репутацию” “престиж”, “ценностные обязательства” и т.д. Отличие состоит в том, что в жизненном мире все аналоги власти работают на основе языка и коммуникации, в то время как в системе власть осуществляется исключительно через негативные эффекты, то есть репрессии, давление, угнетение. Хабермас обозначает это как “вторжение в ситуацию” актора. Он подчеркивает, что власть может вмешиваться в интеракции и коммуникации внутри жизненного мира. Подобное вмешательство часто приводит к социальным кризисам. Однако, очевидно, что Ю. Хабермас пытается найти определенную сферу социального бытия, по отношению к которой власть как «интервенцию в ситуацию» можно было бы истолковывать как нечто внешнее, привнесенное. В связи с этим, главное замечание немецкого философа состояло в том, что Фуко некорректно отождествляет сферу социальности с определённым типом интеракции, а именно, с её инструментальным, стратегическим типом. «Финальная онтология Фуко приравнивает социальную реальность к стратегической...»³³. Такой «имманентизм» в понимании власти неправомерно расширяет сферу стратегической интеракции и распространяет ее на ту часть бытия, которая, по своей природе, не принадлежит ей. Имеется в виду тот тип действия, который ориентирован не на успех, а на взаимопонимание. Если властные эффекты действительно имманентны инструментальному действию, то в жизненном мире коммуникации мы встречаем тот тип рациональности, который базируется не на инструментальности, а на взаимном признании участников коммуникации как равных: «...инструментальные акты в той мере ограничены коммуникативностью, в какой они принимают участие в выполнении планов, связанных с планами других участников интеракции путём общего определения ситуации и процесса взаимопонимания»³⁴.

³³ McCarthy, T. The Critique of Impure Reason: Foucault and the Frankfurt School / T. McCarthy // Political Theory. – Vol. 18, No. 3 (Aug., 1990), pp. 437- 469 - p. 263

³⁴ Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 416 с. - с. 33

Как указывает Маккартни в своей статье, по мнению Хабермаса, взаимное признание участников коммуникации как равных, в смысле признания равных шансов на рациональную аргументацию в дискуссии, является специфическим трансцендентальным основанием коммуникации, то есть той базовой моральной интуицией, которую все участники жизненного мира уже априорно принимают. Вступая в коммуникацию, человек уже заранее соглашается с тем, что другой индивид может рационально объяснить свою мысль или, к примеру, привести рациональные аргументы против моих аргументов. Эти условия немецкий философ считает неизбежными и неотъемлемыми.³⁵ Влияние внеязыковых медиумов может распространяться и на сферу коммуникации и оказывать искажающее давление на саму коммуникацию. Наилучшим избавлением от подобных внешних принуждений можно назвать установление определённых правил коммуникации, главными из которых являются симметричное распределение шансов между всеми партнерами дискуссии при выборе и использовании языковых актов.

Маккартни добавляет, что Фуко недооценивает силу коммуникации, как средство взаимодействия внутри общества, является, по мнению Хабермаса, одной из ключевых ошибок в его концепции власти. Недооценка индивидуальной коммуникации приводит и к тому, что Фуко недооценивает индивидуализирующий характера социализации в целом, а также роли самоформирования и самодетерминации человека. Это замечание было бы корректным по отношению к молодому Фуко 70-х годов, когда он еще находился в рамках своих работ «Надзирать и наказывать» и «Воли к знанию». Этот этап его творчества привел к тупику, как уже не раз говорилось ранее, от сознания Фуко просто пришел к телу. Однако поздний Фуко, как упоминалось ранее, уже осознавал методологическую ограниченность своего подхода. Об этом свидетельствует его обращение к проблематике конституирования субъекта («морального субъекта» как назвал его Фуко), а также направление

³⁵ Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - С-Пб, "Наука", 2001. - 382 с. - с. 195.

своих исследований в сторону изучения сопротивлений власти, а не только техник власти в 80-х годах. Тем не менее, Фуко не отходит от своих прежних позиций, а лишь добавляет проблематику “техник себя”: «Если анализировать генеалогию субъекта в Западном обществе, то необходимо принимать во внимание не только техники доминирования, но также и техники себя. Необходимо принять во внимание интеракцию между этими двумя типами техник, точку, в которой технология доминирования одних индивидов над другими прибегает к помощи процессов, через которые индивиды также влияют на самих себя». Таким образом, оставляя за различными политическими институтами возможность конституирования субъекта (интериоризация власти), Фуко подчеркивает, что сама политическая власть непосредственно зависит от способности людей принуждать самих себя к действию. Попытки возродить древнегреческую этику и применить к современности “техники себя“, Фуко указывает на то, что складывание субъекта становится возможным только через «власть над собой» (*enkrateia*), самопринуждение как контроль над сферой собственных желаний (*aphrodisia*). Таким образом, условие возможности самодетерминации - не усвоение системы личных местоимений (такое усвоение само по себе еще не гарантирует самоформирования и самодетерминации индивида), а приобретение определенного уровня самоконтроля как контроля над собственной «этической субстанцией» (*aphrodisia*), который теснейшим образом связан с властью как таковой.

Власть по Фуко имеет дело не с коммуникативно-компетентными индивидами, а только с телами, и их дисциплинарными характеристиками. Но даже если следовать Фуко и согласить с тем, что человек как субъект полностью сформирован через институты власти (власть-знание), то нельзя ли сказать также, что благодаря этой институционализированной власти, субъект достигает определенного уровня автономии, которая позволяет ему осуществлять дальнейшую самодетерминацию. Такая постановка вопроса ставит под сомнение слабость позиций субъекта и его тотальную зависимость от дисциплинарной власти и власти-знания и приводит к мысли о том, что

воспитательная сила этих двух механизмов приводит в конечном итоге к появлению автономной воли индивида.³⁶

Ключевое отличие в понимании власти между Хабермасом и Фуко состоит в том, что первый считает, что власть можно охарактеризовать как влияние, которое через реализацию некоторых действия нацелено на успех, в то время как для второго власть всегда тождественна влиянию. Два философа исследуют сущность власти в двух параллельных плоскостях. Для Хабермаса влияние через коммуникацию качественно отличается от влияния через власть, так как в первом случае можно видеть убеждение, а во втором – принуждение. Для М. Фуко влияние всегда привязано к власти, а значит любые средства – это всего лишь технологии власти. Хабермас открыл неверную интерпретацию фукодианской власти как атрибута стратегической интеракции и тем самым фактически зачисляет его теорию в разряд «системных»³⁷. В действительности же, Фуко анализирует власть, судя по всему, на досистемном уровне. Государство для него “надстроечно по отношению к целой серии властных отношений, которые инвестируют тело, сексуальность, семью, родство, познание, технологии и т.д.”.

В целом, можно сделать обобщающий вывод о противостоянии теоретических позиций Фуко и Хабермаса. Можно выделить две сильных позиции в критике Хабермаса по отношению к Фуко. Первая сильная позиция, которая ограничивает концептуальные рамки Фуко, состоит в том, что французский исследователь ограничен в своей критике классического субъекта категориальным и понятийным аппаратом классической философией субъекта. Вторая сильная позиция – Фуко, в своих исторических исследованиях, использует презентистскую методологию, которая способствует тому, что Фуко не избавляется от категорий суверенитет, государство, идеология и т.д., что, в представлении Хабермаса, априори делает из Фуко “системного” мыслителя.

³⁶ Biebricher T. Habermas, Foucault and Nietzsche: A Double Misunderstanding / T. Biebricher. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 1-26

³⁷ Honneth, A. The Critique of Power. Reflective Stages in a Critical Social Theory / A. Honneth. - The MIT Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1991. - 335 p. - p. 157-183.

Можно выделить три слабые позиции в критике Хабермаса. Первая - Фуко оставляет неясность происхождения социальных институтов. Вторая – соотношение самоформирования субъекта и влияние на него дисциплинарной власти, которое Фуко в позднем периоде своего творчества детально описал и принял во внимание. Третья – признание Фуко релятивистом, что, в свою очередь, не может служить аргументом, ограничивающим концептуальное пространство его идей.

Еще две позиции никак не влияют на теоретическое наследие Фуко, так как Хабермас просто подменяет определение понятие или вписывает концепты Фуко в свою методологию. Во-первых, он вписывает понятие власти Фуко внутрь своей методологии анализа общества, локализуя власть в “системе”, несмотря на то, что Фуко всегда был против локализации власти. Во-вторых, Хабермас ставит вопрос о дискурсе по-другому, используя идеалистичный подход и меняя вектор развития мысли, после чего позиции Фуко и Хабермаса по вопросам допуска субъекта к истине, к знанию и к созданию норм кардинально расходятся.

Таким образом, можно резюмировать, что концептуальные ограничения фукодианского анализа власти можно обнаружить не во всех направлениях его исследований. Очень часто обнаруживается, что его концепции не столько ограничены, сколько являлись точкой опоры для новых исследований, которые развивали его мысль. Однако те критики, которые могут ограничить рамки его концепции, действительно ставят вопросы позволяющие дисквалифицировать некоторые доводы Фуко.

По линии проблем, связанных с пониманием и интерпретацией власти и ее типологии, функциям, происхождению и т.д., Фуко сталкивается, главным образом, с К. Шмиттом и Д. Агамбенем, в меньшей степени с Ю. Хабермасом.

По линии проблематики субъекта, Фуко, безусловно, в силу постоянно расширяющихся дискуссий по этому вопросу, пересекается и расходится со многими крупными философами и теоретиками XX века. Схожие с ранним Фуко (макрофизического этапа) идеи по поводу смерти, слабости,

несостоятельности, необходимости пересмотра смысла субъекта в современном мире, которые также характерны для радикального постмодернизма, находят свое отражение и практически дублируют представителя Франкфуртской школы, и отдельных авторов, таких как К. Шмитт, Э. Левинас, Ж. Деррида. Ж. Лакан, Ж. Делез. Однако, как правило, их концепции полностью укладываются в рамки тех идей, которые провозглашает Фуко, либо являются их развитием (Ж. Делез, Ж. Деррида). Поздний Фуко (микрофизический этап), который решил реабилитировать субъекта и встать на позиции умеренного постмодернизма, в целом, не ограничен со стороны какой-либо критикой или концептуальными рамками, но при этом обнаруживаются схожие линии размышления среди целого ряда антиковедов (П. Адо, П. Вейн и т. д.) и отдельных мыслителей (М. де Серто).

Наибольшее сопротивление концепция Фуко встречает по линии вопросов истины и знания, пересекаясь с хабермасовской линией рассуждений о коммуникации и информации. Здесь можно ставить вопросы о том, насколько М. Фуко верно разрабатывает проблематику на уровне своего категориального аппарата, рассматривая вопросы о власти и знании (истине) через категорию субъекта и, правильно ли он действует, когда, пытаясь внедрить правило отказа от таких универсальных понятий как государство, суверенитет, идеология и др., сам активно использует эти понятия в ходе своих исследований, меняя лишь их некоторое теоретическое наполнение.

Таким образом, можно утверждать, что те концептуальные рамки, которые складываются на основе критики других теоретиков или их дальнейших исследований на основе идей Фуко, в целом, делают его концепцию широкой по своему применению, глубокой по своей аргументации и проработанности и развитым методологическим аппаратом. Главным образом, они позволяют концентрироваться не только на политической власти в ее репрессивной манере, а на власти на ее окраинах, на стыке эффектов власти и повседневности, на самом обрыве власти. При этом, если сам Фуко, указывая на то, что репрессивные институты, как объекты исследований, ему не интересны, изучая

институты, связанные с дисциплинарными механизмами власти, открывает и иную область исследований, но не касается ее на протяжении почти что всей своей научной карьеры, оставив лишь небольшое теоретическое указание на их возможное исследование. Этим исследованиям будет посвящен следующий параграф данной работы.

2.2. Анализ власти в повседневных практиках в пространствах и гетеротопиях

Как признавался М. Фуко, в своих исследованиях, он, в большей степени, интересовался не властью как некой репрессивной инстанцией, а властью “на ее границах”³⁸. Если учитывать ту работу, которую он проделал своих последних исследованиях посвященных субъекту, то можно заключить, что повседневные практики, как практики власти или сопротивления власти — это то, на что был направлен его анализ.

Анализ власти, который предлагает М. Фуко, в первую очередь, направлен на культурные явления и социальные институты, которые не могут быть вовлечены в процессы власти. Свою концепцию дисциплинарной власти он развивал с тем, как изучал подробности работы таких институтов как больницы, лечебницы, тюрьмы, мастерские, казармы, школы и т.д. Однако, несмотря на попытки экстраполировать свой опыт анализа власти на современность, Фуко, чаще всего, останавливался лишь на уровне макрофизики власти, то есть на политическом уровне.

В данной главе мы попытаемся проанализировать те социальные институты или социальные технологии, которые французский философ не проанализировал по разным причинам. Если М. Фуко, в силу своей увлеченности дисциплинарными техниками и макрофизическим подходом к

³⁸ Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с. - с. 46

анализу власти, использовал для анализа властных механизмов такие пространства как больницы, тюрьмы, цехи, казармы, школы и т.д., то здесь автор попытается разобрать другие пространства, такие как пространство дорожного движения, парк развлечений, метрополитен, библиотека. Главным отличием этих пространств является их добровольность. Если дисциплинарные механизмы присутствуют там, где человек, рано или поздно, в меру своего взросления, окажется вовлеченным в процесс социализации, то гетеротопии, или “другие пространства”, являются добровольными в том смысле, что человек сам вводит себя в эти пространства, без принуждения пройти через их процедуры воздействия.

В своей статье Фуко выделяет утопии и гетеротопии. “Утопии – это местоположения без реального места”³⁹, то есть некие аналогии, идеализированные пространства уже существующих социальных реальностей. Гетеротопии – это “реализованные утопии”, т.е. пространства, которые имеют функции реального социального пространства, но, при этом, обладают функциями и других пространств, которые подобны зеркалу. Имеется в виду “помещение себя в пространство, где меня нет”. Таковым, по мнению автора, может быть и помещение себя в пространство власти. В своей статье Фуко приводит множество интересных примеров гетеротопий: поезд, кладбище, театр, кинотеатр, сад, ярмарка, публичный дом, колония, корабль.

Подобные пространства редко анализируются с точки зрения взаимоотношения власти и субъекта, не часто в подобный анализ вкрапливается проблема знания и истины, и совсем отсутствуют подобные исследования с точки зрения фукодианской методологии. Проблема заключается в том, что сам М. Фуко рассматривал вопросы, связанные с анализом подобных пространств, но в итоге остановился только на тех из них, где сумел нащупать дисциплинарные техники. В конце 60-х годов он анализировал множество пространств, которые представлялись ему пересечением несколько измерений

³⁹ Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 195

одновременно. Можно выделить это в отдельный, но в меньшей степени раскрытый концепт гетеротопий. Он не разрабатывал этот концепт после единственно прочитанной лекции в 1967 году, которая была опубликована лишь 17 лет спустя, и был раскрыт с позиции архитектуры, но не с позиции взаимоотношений власти, субъекта и истины. Вообще, необходимо отметить, что это была частая привычка Фуко – начать разрабатывать какую-либо тему, которая могла бы дать свои плоды в обозримом будущем, но прекратить исследования, занявшись другими проблемами, на которые он переключался в силу своей собственной заинтересованности.

Само описание “других пространств” он предложил называть гетеротопологией, по аналогии с генеалогией, не рискуя назвать ее наукой, он называет это “систематической дескриптивной практикой”. Фуко не дал точного определения для этого понятия, однако, вывел шесть принципов описания гетеротопий:

- В мире нет ни одной культуры, которая бы не создавала гетеротопии
- Общество может использовать гетеротопии самым разнообразным способом, функционирование гетеротопий можно изменить и начать использовать по-иному
- Гетеротопия может помещать в одном реальном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы
- Гетеротопии также могут быть гетерохронологиями, то есть пространствами, связанными с разрывами во времени, а со связями в пространстве.
- Гетеротопии всегда предлагают систему барьеров и проходов, которая одновременно изолирует их и делает проницаемыми. Тут Фуко проводит разделение пространств на добровольные и принудительные
- Гетеротопии “по отношению к остальному пространству наделены некой функцией”, Фуко поясняет это разделением гетеротопий на те, которые создают иллюзорное пространство, которое разоблачает реальность

(публичные дома) и на те, которые создают слишком аккуратное, упорядоченное пространство (колонии).

Один из исследователей Фуко – Д. Фабиан - обозначил гетеротопии как «реализованные утопии»⁴⁰ т.е. результатом намеренного конструирования идеального образа из обломков прежних смыслов, которые помещаются в реальность и доводятся до своеобразного предела, конечной точки⁴¹. Другой исследователь – К. Хэтерингтон – определял гетеротопию как пространство особого социального порядка, главным парадоксом которого является объединение “пространства полной свободы” и “пространства тотального контроля”. Он указывает, что гетеротопию можно назвать неким *space-between* («между-пространством»), существующим между *eu-topia* и *ou-topia*, но которое стремится к достижению социального порядка, совмещающего как идеи контроля, так и возможность свободы. «Следовательно, гетеротопия выявляет процесс социального упорядочивания, будучи скорее процессом, нежели предметом»⁴². Р. Топинка подчеркивает, что “Фуко не только не дает точного определения гетеротопиям, но и не упоминает, где можно об этом узнать больше”, к примеру, в античной литературе⁴³.

Анализ власти внутри других пространств – это само по себе является анализом повседневных практик и направлено на то, чтобы вскрывать отношения власти на самом ее обрыве, там, где ее не видно невооруженным взглядом. Анализ этих практик может выглядеть неправдоподобным и неважным, но именно в этом и состоит сложность его анализа – действия людей, их поведение, расписание, привычки и другие упорядоченные (или хаотичные) действия – являются настолько примитивными и вросшими в естественную жизнь каждого человека, что сам их анализ уже является подрывом их власти.

⁴⁰ Faubion, J.D. Heterotopia: an Ecology // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene, Lieven De Cauter. L.; N.Y.: Routledge, 2008.. - P. 31–39;

⁴¹ Harvey, D. Spaces of Hope / D. Harvey. Berkeley: University of California Press, 2000. - p.183

⁴² Hetherington, K. The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering / K. Hetherington. L.: Routledge, 1997

⁴³ Topinka R.J. Foucault, Borges, Heterotopia: Producing Knowledge in Other Spaces / R.J. Topinka. - Foucault Studies, 2010. -No. 9. - pp. 54-70

Схожие проблемы и само понятие гетеротопии, в современной гуманитарной мысли, изучаются в рамках архитектуры⁴⁴ или урбанистики⁴⁵, Существуют работы, в которых подчеркивается важность анализа пространств для понимания некоторых аспектов политическое власти, однако Фуко привлекается там без своего концепта гетеротопий⁴⁶. Есть работы, которые используют концепт гетеротопий, как стартовую площадку для собственных исследований⁴⁷. В общем, западное научное сообщество только с начала XXI века начала переосмысливать концепцию гетеротопий, но применяет его в основном к различным социальным феноменам вне контекста властных отношений. Например в тексте Д. Фобiona понятие гетеротопии сравнивается с «коммунитас» у В. Тёрнера и с «демоническим» Х. Блума, у Д. Агамбена понятие вовсе превращается в термин «лагерь» и т.д.⁴⁸ Исследования посвящены таким пространствам как торговые центры, жилые дома, пляжи, проекты городского обновления, искусственные острова, городские площади, кладбища и т.д. Одна интереснейшая работа посвящена поиску гетеротопий в античном мире, которая отчасти касается проблем субъективации⁴⁹. Некоторые отечественные исследователи также делали попытки использовать фукодианские гетеротопии для анализа, к примеру, идентичности⁵⁰, широких пространств⁵¹, городских мест отдыха⁵².

⁴⁴ Scott, J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed / J.C. Scott. New Haven: Yale University Press, 1998 ; Fontana-Giusti G. Foucault for Architects / G. Fontana-Giusti. - Routledge, 2013.

⁴⁵ Urbach, H. Writing Architectural Heterotopia // The Journal of Architecture.1998. - No. 3 (4). - p. 347–354.

⁴⁶ Farrar, M. Building the Body Politic: Power and Urban Space in Washington / M.E. Farrar. - University of Illinois Press, 2008. - 183 p.

⁴⁷ Elden, S. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography / S. Elden. Routledge, 2016. - 390 p.; Dehaene M. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / M.Dehaene, L. De Caeter. - Routledge, 2008. - 360 p

⁴⁸ Faubion, J. Heterotopia: and Ecology / J. Faubion // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene. - N.Y.: Routledge, 2008.- p. 31–39.

⁴⁹ Smith, E. Foucault's Heterotopia in Christian Catacombs: Constructing Spaces and Symbols in Ancient Rome / E. Smith. - Springer, 2014. - 203 p.

⁵⁰ Беззубова, О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации / О.В. Беззубова // Вестник гражданских инженеров. - 2011. - № 2 (27). - с. 199–204.

⁵¹ Филиппов, А.Ф. Гетеротопология родных просторов / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. - 2002. - № 6–7. - с. 48–62

⁵² Квят, А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия / А.Г. Квят // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - №388 - с.65-75.

В рамках данной работы интересно рассмотреть эти пространства с позиций анализа власти М. Фуко – как на макрофизическом, так и на микрофизическом уровнях. Независимо от того, сколько можно найти пространств внутри каждого из этих примеров, автор будет выделять очевидное (т.е. поверхностное, безусловное) пространство и пространство власти. Вне всякого сомнения, в каждом из приведенных примеров можно находить и другие пространства – экономические, культурные, виртуальные и т.д.

Мы решили привести пример касающийся дороги и правил дорожного движения. Пространство дорожного движения - это чистая и довольно старая гетеротопия. Будучи используемой всеми людьми и имея древнее происхождение, по - крайней мере, в западной цивилизации правила дорожного движения появились еще при Юлии Цезаре, дорога и правила, приписываемые каждому участнику движения на ней, имели очевидный смысл. С позиции очевидного, дорога и, сопутствующие движению на ней, правила, предназначены для повышения безопасности, предотвращения заторов (пробок), увеличение эффективности пропускной способности и прочие логистические функции. Однако эта гетеротопия имела и другое пространство – пространство, где осуществлялись властные отношения между участниками этого движения. Поначалу эти властные отношения носили межличностный характер и осуществлялись между участниками-людьми. Однако с повышением интенсивности движения и с технологическим прогрессом, характер этих взаимоотношений изменился – появились светофоры, разметки, знаки, искусственные препятствия и преграды и т.п. Таким образом, дорога – это гетеротопия, обладающая как минимум двумя включенными в нее пространствами – пространством улучшения пропускной способности и пространством власти.

Необходимо взять пример, касающийся пространства дорожного движения, с небольшой локализацией - для наглядности, ситуация взаимодействием пешехода и светофора. Согласно модернистской концепции власти, такую ситуацию нельзя рассматривать как властные отношения, так как

есть лишь один субъект - это человек, в то время как светофор и вовсе не является разумным и рациональным элементом. Постмодернистский подход вполне может рассмотреть эту ситуацию, как отношения власти между человеком и некой инстанцией, которая временно обладает властью, т.е. светофором. В постмодернистской традиции нет необходимости рассматривать субъект и объект власти, и они не обязательно должны быть наделены разумом. Когда человек останавливается перед запрещающим сигналом светофора, он тут же теряет свои свойства субъекта власти, т.е. не может полностью реализовать свои возможности и способности, в данном случае не может перейти улицу. В такой ситуации светофор становится субъектом власти, или оператором власти. Эта ситуация показывает, как оператор, хоть и временно, но может быть субъектом, осуществляя контроль над своим объектом, т.е. человеком. При этом светофор не обладает никакими рациональными началами, помыслами, интересами, его создавали не для того, чтобы останавливать людей, а для того, чтобы регулировать дорожный трафик. Его цель первоначально была биополитической, используя подход М. Фуко. Цель светофора, как части большого биополитического устройства власти – регулировать передвижение большого количества людей и машин, а не осуществлять власть над конкретным индивидом. Тем не менее, именно светофор становится субъектом власти, который с точки зрения фукодианского учения правильнее всего называть оператором власти. Даже в тот момент, когда светофор покажет разрешающий сигнал человеку-пешеходу, он все равно остается во власти светофора, а точнее, в пространстве его власти, так как подконтрольное светофору пространство ограничено. Когда человек преодолевает это пространство он тут же выходит из-под власти светофора и возвращает свою позицию субъекта (оператора) власти.

Таким образом, анализ данной ситуации дает право сделать несколько выводов. Во-первых, можно проводить анализ власти между двумя элементами любой системы, даже если не все из них наделены разумом. Во-вторых, субъект и объект власти – слишком громоздкие понятия для анализа власти на уровне

микрофизики. На таком уровне адекватнее использовать понятия оператор власти, элемент, который находится на стыке понятия субъект и объект власти и при этом ограничен в своей власти, как во времени, так и в пространстве. В-третьих, оператор власти может не обладать никаким основанием, предысторией или фундаментом своей власти. Оператору власти достаточно повседневного устройства жизни для того, чтобы заполучить и использовать свою власть, это устройство жизни может быть совершенно не связанным с властью или институтами власти. В целом, в этом беглом анализе, использовался подход, который для позднего Фуко был наиболее характерен – поиск чего-то среднего между объектом и субъектом, т.к. использование категории, которая в рамках данной работы была обозначена как “оператор власти”.

Можно рассматривать и другие пространства, в которых субъект будет то наделяться, то лишаться своих властных полномочий, тем самым превращаясь в оператора власти, где власть будет проявляться только в своих пространственных или темпоральных характеристиках, где власть будет приставлена как нечто над-субъектное и т.д. Для анализа могут использоваться: культурные объекты – музеи, библиотеки, охраняемые сады, туристические парки; военные объекты – стрельбища, полигоны, призывные пункты, палаточный лагерь; объекты, ограниченные в пространстве – космическое судно, морское судно, самолет, в будущем возможны – колонии на других планетах, посадочные модули; другие объекты социального взаимодействия – помещения, где проводятся заседания правительства или парламента, столовые (рестораны, кафе, бистро ит.д.), места, предназначенные для курения, съемные или коммунальные жилища, общежития, лаборатории, гримерки, вокзалы, аэропорты т.д. Весь тот ансамбль властных взаимодействий, который Фуко обнаруживал в дисциплинарных институтах можно обнаружить и в гетеротопиях, однако во втором случае, они будут больше отражать специфику микрофизики, нежели макрофизики власти. Можно даже отметить, что в силу целого ряда возможных причин, все гетеротопии в той или иной степени наполняются дисциплинарными механизмами или элементами дисциплинарной

власти, ее отголосками. Таким образом, Мишель Фуко, указывая на столь отдаленные от классического понимания и традиционной локализации, эффекты власти, сам все-таки исследовал в свой макрофизический период, исключительно дисциплинарные пространства, оставив в качестве неисследованного вопроса и интеллектуального наследия столь широкую области для ее дальнейшего изучения.

В качестве вывода, можно сказать, что фукодианская методология анализа власти эффективна при анализе властных отношений как на уровне макрофизики, так и на уровне микрофизики власти. Благодаря тем категориям, которые Фуко вводит в свой анализ и тем теоретическим наброскам Фуко, которые автор данного исследования попытался внедрить и создать, таким образом, универсальную методологию анализа власти, можно изучать различные эффекты власти на самих ее границах, там, где никогда не было репрессивной, и уже нет дисциплинарной властей. Эта общая методология могла быть очерчена только благодаря изучению эволюции анализа власти, который Фуко демонстрирует на протяжении своих исследований. Важным оказалось и то, как именно анализировать его творчество, так как необходимо было отказаться от классической, более общей, трехуровневой классификации этих этапов в пользу новой, двухуровневой классификации, которая отражает отношение и подход, призму М. Фуко при рассмотрении власти.

Заключение

В рамках проделанной работы, так же следует обратить внимание на следующие детали:

Во-первых, нельзя не принять во внимание тенденции развития социально-культурной реальности и считываемые в пространстве западноевропейской интеллектуальной традиции изменения в подходах к пониманию человека и его природы.

Во-вторых, немаловажную роль в процессе реконструкции и интерпретации современных философско-политических проектов играет актуальный историко-философский контекст и социально-политический контексты.

В-третьих, всякий анализ теоретико-методологических оснований существующих философско-политических проектов подразумевает необходимость своеобразного продления, или, говоря словами М. Фуко, “испытания истиной” объекта изучения.

Таким образом, анализируя причины и предпосылки трансформации рефлексии о власти и конституируемом ей пространстве политического в дискурсе современной политической философии было установлено, что главными причиной описываемых изменений стали:

1. изменения исследовательской оптики рефлексизирующего субъекта, обусловленное: 1) акцентуацией внимания философствующего сознания

на имманентном и современном, а не трансцендентном и вневременном, 2) внутренней эмансипацией философствующего субъекта, осознавшего непреодолимость экзистенциальной тоски и тревоги, 3) усложнением архитектоники и структуры социально-политических отношений, ставших преобладать над породившим их субъекта при неосознанности этой ситуации со стороны последнего.

2. Усилением манипуляторных приемов и тактик, инициируемых государством в отношении современного общества и человека, погрузивших их в пространство бесконечной игры и спектакля.

3. Специфическим пробуждением сознания человека, оказавшегося в ситуации постмодерна и стремящегося не столько преодолеть ее, но прояснить ее истинные основания.

В этом смысле, философский М. Фуко, объединяющий в себе исследование знаков, человека и культуры как пространства его существования представляет собой образец современной политической философии, стремящейся: 1) к обнаружению и преодолению “слабых мест” классической политической философии, 2) разработке и апробации адекватной для аналитики прошлого и актуальной методологии социального познания, 3) практики принятия угроз современности, позволяющей определить современную политическую философию в качестве политического действия, направленного, по аналогии с классической политической философией Сократа, на трансформацию мыслящего субъекта в направлении критического восприятия окружающей его социально-политической действительности.

Таким образом, философско-политический проект М. Фуко, стремящийся к прояснению и концептуализации онтологической природы власти представляет собой не радикальный отказ от классического наследия, а попытку его деконструкции. В результате, власть начинает мыслиться не в качестве персонифицированного и институализированного императивного начала, довлеющего над человеком и обществом, а в качестве имманентной и потому децентрализованной — рассеянной в нем силы, которая не только обуславливает

их существование, но впервые обнаруживает свое присутствие в конструируемом ей социально-политическом пространстве посредством многообразия собственных пред институциональных проявлений: дисциплинарной власти, власти знания, биополитики.

Власть, осмысляемая в многообразии (и не очевидности) форм своего бытия, обнаруживается перед нами как нечто всепроникающее, пронизывающее собой социальную реальность, в пределе — «исходящее отовсюду» (М. Фуко). При всем непосредственном, повседневном опыте ее присутствия она может оказываться и «невидимой», с трудом однозначно фиксируемой, локализуемой, эмпирически описываемой. В своих различных формах (будь то мягкие или жесткие, очевидные или неявные) власть может представлять и как враждебная индивиду и обществу сущность, стремящаяся поглотить и аннигилировать в себе; и как неразрывно связанные с общим пространством коммуникации, взаимодействия, рождающиеся и утверждающиеся в социуме и индивиде начала самоорганизации и взаимоограничения, оборотной стороной которых оказываются права и свободы личности (так что механизмы социальной регуляции, нормирования и контроля оказываются здесь необходимым образом связаны и опосредованы этой сферой прав и свобод) .

В заключение следует отметить, что современное социальное теоретизирование характеризуется многообразием подходов к осмыслению власти как феномена социального бытия. При этом именно на фоне традиционных способов аналитики власти, сосредоточенных на социальных институтах, государстве, персонифицированном авторитете, актуальными оказываются пост-классические подходы, акцентирующие микрофизическое измерение отношений власти, которые часто обнаруживаются в своих, не опосредованных отношениями легитимности формах. На этом уровне рассмотрение власти сопрягается с осмыслением средств и способов нормирования человеческой активности в контексте социальности. В центре внимания оказываются формы и методы регламентации, осуществляемые как на уровне сознания индивида, так и вне его, механизмы взаимосвязи властных

практик. Расширительно трактуемая власть представляется при этом в качестве своего рода координирующей сетки взаимодействий, в которую мыслятся включенными индивиды и которая соотносится не только с официальными властными инстанциями, но и в определяющей степени с пространством повседневности, общения, культуры, различными каналами и формами (включая и весьма неформальные) социальной коммуникации. Власть, представляется, как универсальный феномен, генерируемый в контексте многообразных отношений, традиционно фиксируемый в виде некой институциональной структуры, но при этом не сводимый исключительно и без остатка к таковой.

Библиографический список

I. Литература

1. Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. // Перевод на русский язык: М. Кузнецова. — СПб., 1997. — 187 С.
2. Алексеева Т. Современные политические теории. // М. — 2000 — С.114.
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. / М., 2002. — С.94.
4. Барт Р. Мифологии. / Переводчик: Зенкин С. — М., Издательство: Академический проект, 2019 — 351С.
5. Бауман З. Спор о постмодернизме / Социологический журнал. №4. 1994. — С.79
6. Беньямин В. Историко-философские тезисы / Пер. с нем. В. Биленкина. — М., Левая Россия, 2001. — 320 С.
7. Берлин И. Философия свободы. Европа // 2001// Янко Слава, 2001. — 448 С.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. — 86 С.

9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. — 288 С.
10. Джорджо А. Номо сасер. Суверенная власть и голая жизнь. — М.,Издательство Европа, 2011. — 256 С.
11. Дидье Э. Мишель Фуко / М., Издательский дом: Молодая гвардия, 2008. — 378 С.
12. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М.: Издательство «Логос», издательство «Прогресс-Традиция». 1998.— 208 С.
13. Лиотар Ж.-Ф. Гибкое приложение к вопросу о постмодернизме / Ступени. Философский журнал. 1994. С. 99–103.
14. Мартынов К. Об истории безумия, появлении дисциплинарного общества и «паноптиконе». —2015.
15. Мюллер М. Смысловые толкования истории. История философии: Антология. / М., 1994. — С. 275.
16. Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. Кузнецова. — СПб., 1997. — 312 С.
17. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. — СПб.: ИЦ.
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер.с франц. И. К. Стаф. — М.: АСТ, 2010. — 698 С.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер.с франц. В. Наумова. — М.: Ад Маригинем Пресс, 2015. — 416 С.
20. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс. — 1970.
21. Фуко М. Рождение клиники: Археология взгляда медика / пер.с франц. А. Ш. Тхостова. — М.: Академический Проект, 2010. — 252 С.
22. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер.с франц. В.П. Визигина, Н. С. Автономовой. — СПб.: А-cad, 1994. — 407 С.

23. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году. - СПб.: Наука, 2011. — С. 296.
24. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1991. — 252 С.
25. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р.Рокитянский. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С.480.
26. Шмитт К. Понятие политического. — СПб.: Наука, 2016. — С. 568.
27. Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. — М., Логос, Праксис, 2000. — 364 С.
28. Штраус Л. Три волны современности / Пер. с англ. М. Фетисова. — М.: Праксис., 2000 — 68–81 С.
29. Штраус Л. Что такое политическая философия / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. — 364 С.
30. Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. / М., Издательство «Весь Мир». — 2000. — 320 С.
31. Юнггер Э. Рабочий. Господство и гештальт (сборник). — М., 2000. — 320 С.
32. Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. - 2002. - № 2. – с. 120-152.
33. McCarthy, T. The Critique of Impure Reason: Foucault and the Frankfurt School / T. McCarthy // Political Theory. – Vol. 18, No. 3 (Aug., 1990), pp. 437- 469 - p. 263
34. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003. - 416 с. - с. 33
35. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб, "Наука", 2001. - 382 с. - с. 195.
36. Biebricher T. Habermas, Foucault and Nietzsche: A Double Misunderstanding / T. Biebricher. - Foucault Studies, 2005. - No 3. - pp. 1-26

37. Honneth, A. The Critique of Power. Reflective Stages in a Critical Social Theory / A. Honneth. - The MIT Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1991. - 335 p. - p. 157-183.

38. Фуко, М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - СПб.: Наука, 2005. 312 с. - с. 46

39. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. М.Скуратова под общей ред. В. П. Большакова — М.: Праксис, 2006. - Ч.3. - 320 с. - с. 195

40. Faubion, J.D. Heterotopia: an Ecology // Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene, Lieven De Caeter. L.; N.Y.: Routledge, 2008.. - P. 31–39;

41. Harvey, D. Spaces of Hope / D. Harvey. Berkeley: University of California Press, 2000. – p.183

42. Hetherington, K. The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering / K. Hetherington. Routledge, 1997

43. Topinka R,J, Foucault. Borges, Heterotopia: Producing Knowledge in Other Spaces / Topinka. - Foucault Studies. 2010, -No. 9, - pp. 54-70 --'e

44. Scott. J.C, Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed LC, Scott, New Haven: Yale University Press. 1998 4 Fontana-Giusti G. Foucault for Architects / Fontana-Giusti. - Routledge. 2013.

45. Urbach. H. Writing Architectural Heterotopia The Journal of Architecture.1998. - No. 3 (4). - p. 347-354.

46. Farrar. M. Building the Body Politic: Power and Urban Space in Washington / M.E. Farrar. -University of Illinois Press. 2008. - 183 p.

47. Elden, S. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography / S. Elden. Routledge, 2016. 390 p.; Dehaene M. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / M.Dehaene, L De Caeter. - Routledge, 2008. - 360 p

48. Faubion, J, Heterotopia: and Ecology / J. Faubion Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Ed. by Michiel Dehaene. N.Y.: Routledge, 2008.- p. 31-39.

49. Smith, E. Foucault's Heterotopia in Christian Catacombs: Constructing Spaces and Symbols in Ancient Rome E. Smith. - Springer. 2014. - 203 p.

50. Беззубова, О.В. «другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации / О.В. Беззубова // Вестник гражданских инженеров. - 2011. - К 2 (27). - с. 199-204.

51. Филяпов, А.Ф. Гетерогология родных просторов / А.Ф. Филяпов // Отечественные записки, - 2002 - № 6-7 - с. 48-62

52. Квят. А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия / А.Г. Квят // Вестник Томского государственного университета - 2014. - №388 - с.65-75.

II. Электронные ресурсы

1. Забота об истине. Беседа Мишеля Фуко с Франсуа Эвальдом // Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/524>

2. Зимовец Р. В. Дискуссия Фуко — Хабермас: вопросы теории власти

URL: http://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/authority/authority1.php (дата обращения: 26.01.2017).